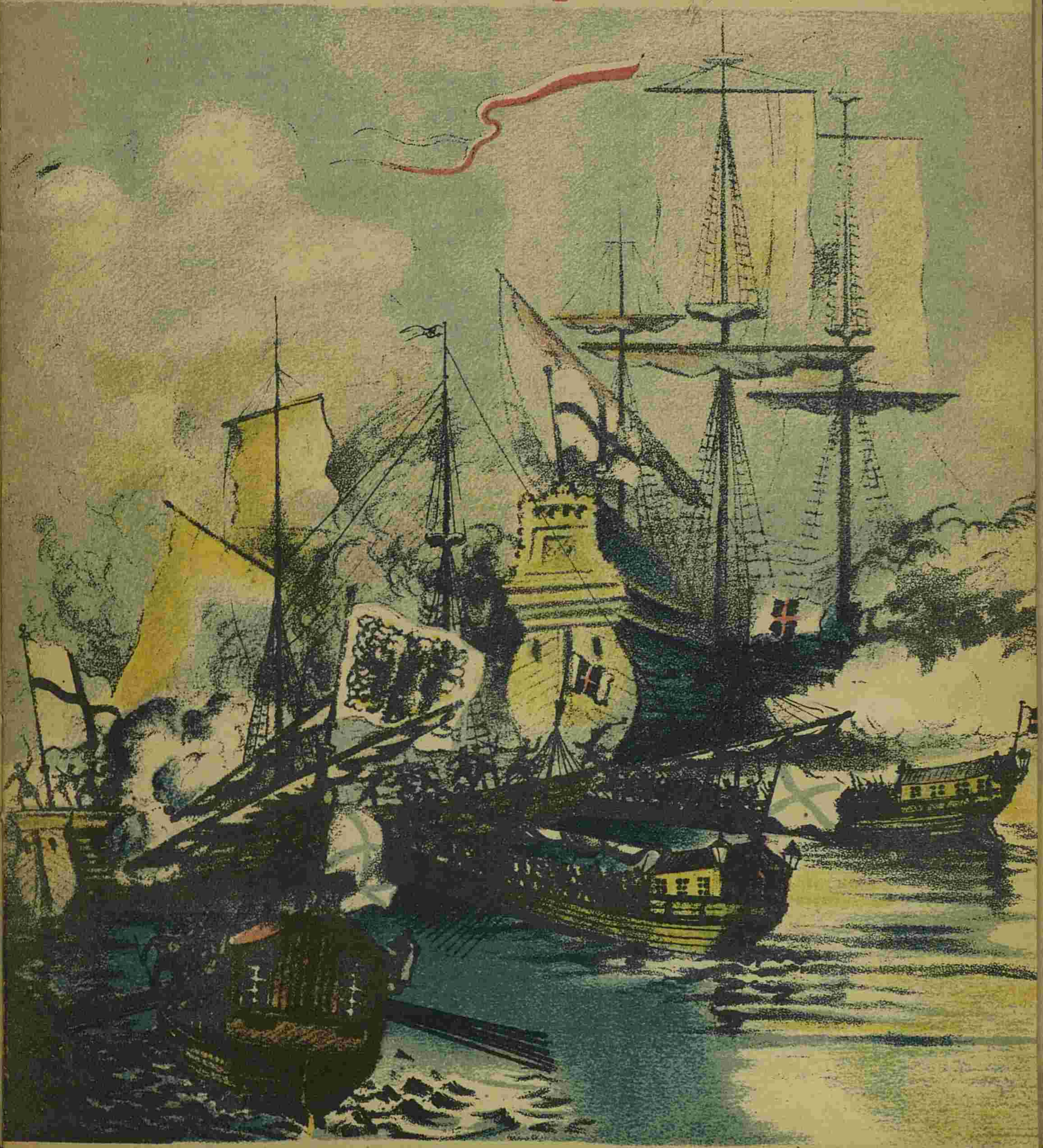

13-5053H
2-8|1944-4

108
84
25/1

КОСТЁР

4

АДМИРАЛ

НАХИМОВ

Имя адмирала Павла Степановича Нахимова впервые прогремело в 1853 году, когда русская эскадра под его начальством атаковала турецкие корабли в Синопской бухте. В этом сражении русские моряки уничтожили неприятельский флот в течение каких-нибудь двух с половиной часов.

Эскадра адмирала Корнилова, посланная к Нахиму на помощь, подошла к концу дела. Корнилов и его спутники увидели горящий город, пылающие неприятельские фрегаты. Пламя пожаров было так ярко, что русские матросы чинили свои корабли ночью, без света фонарей.

Флагманский корабль Нахимова „Мария“ пострадал больше всех других. Ведь с самого начала сражения Нахимов стал ближе всех к кораблям неприятеля. Его адмиральское пальто, которое он снял и повесил на гвоздик, было сорвано ядром. Недаром о личной храбрости Нахимова во флоте ходили легенды.

Нахимов был не только прекрасным боевым адмиралом, но и замечательным воспитателем. Он вырастил несколько поколений моряков, умелых, бесстрашных, безгранично преданных своей родине. Он умел пробуждать в подчиненных чувство народной гордости. Это показала героическая оборона Севастополя.

В осажденном Севастополе матросы и солдаты с восхищением смотрели на двух адмиралов — Нахимова и его друга Корнилова, которые совершенно невозмутимо отдавали свои распоряжения под убийственным огнем неприятеля. Оба адмирала были неутомимы, руководя сооружением оборонных укреплений. Непонятно было, когда они спят, когда успевают поесть.

5 октября 1854 года, в одну из первых бомбардировок Севастополя, Корнилов был убит. С этого дня Нахимов остался „хозяйном Севастополя“, душой его обороны.

Днем и ночью появлялся Нахимов в самых опасных местах. Каждое его появление вселяло бодрость и уверенность в сердца защитников Севастополя.

Вот она, всем знакомая сутуловатая фигура верхом на казачьей лошади, с нагайкой в руке, всегда при шпаге и адмиральских эполетах, с шапкой, надетой почти на затылок!

26 мая 1855 года французы огромными силами штурмовали укрепления Севастополя; одно из укреплений — Камчатский люнет — оказалось самым опасным, самым уязвимым местом, и туда поспешил Нахимов. Там разгорелась отчаянная борьба; на одного русского матроса приходилось человек десять французских зуавов и гвардейцев. Высокая фигура Нахимова, его адмиральские эполеты бросались атакующим в глаза; никто не мог понять, каким образом Нахимов уцелел в этот день. Кучка матросов и солдат, плотно окружив любимого командира, пробилла дорогу штыками.

Через три недели Нахимов сам руководил защитой другого укрепления — Малахова Кургана. Французы ворвались уже на курган. Севастополь-

ды на мгновение растерялись. Но Нахимов и два его адъютанта скомандовали: „В штыки!“ — и неприятель был выбит. Этот день закончился блистательной победой русских. Все вражеские атаки были отбиты с огромными для французов потерями.

Этой славной победой Россия была обязана героизму севастопольских солдат и матросов и военному гению Нахимова. Исход сражения в этот день предопределил пловучий мост, который Нахимов распорядился перебросить через Севастопольскую бухту. В решающий момент по этому мосту, укрепленному на бочках, на Малахов курган были доставлены подкрепления.

28 июня Нахимов отправился осматривать третий и четвертый бастионы. Под градом ядер и пуль он спокойно ехал верхом и говорил сопровождавшему его адъютанту:

— Чистый душой и благородный человек будет всегда ожидать смерти спокойно и весело, а трус боится смерти, как трус.

Нахимов прошел на тот самый бастион, где пал его друг и соратник Корнилов. Матросы и солдаты, как всегда, с радостными лицами толпились вокруг любимого командира.

— Здорово, наши молодцы! Ну, друзья, я смотрел вашу батарею, она теперь хорошо укреплена! Ну, так неприятель не должен и думать, что здесь можно как-нибудь второй раз прорваться. Смотрите же, друзья, докажите французу, что вы такие же молодцы, какими я вас знаю, а за новые работы, и за то, что вы хорошо деретесь, — спасибо!

Поговорив с матросами, Нахимов взошел на банкет у вершины бастиона. Он стоял там с подзорной трубой в руках, высокий, сутулый, со сдвинутой назад фуражкой, в своих неизменных золотых эполетах. Нахимов рассматривал в подзорную трубу неприятельские позиции. Пуля ударила у самого его локтя.

— Они сегодня довольно метко стреляют, — сказал Нахимов, не отрываясь от трубы.

Следующая пуля смертельно ранила его в голову.

Круглые сутки толпились матросы у гроба адмирала. Нахимова покрывал простреленный и изорванный флаг, тот самый, что развевался на его корабле в день славной Синопской битвы. Матросы беспрерывно сменяли друг друга, уходили на бастионы сражаться, и снова возвращались к гробу.

В часы, когда Севастополь хоронил своего героя, в городе было тихо. Неприятель не стрелял, отдавал дань уважения славному адмиралу.

Севастополь в конце-концов пришлось отдать. Но год героической, самоотверженной борьбы не пропал даром. Оборона Севастополя изменила ход Крымской войны; она заставила весь мир преклониться перед доблестью русского народа.

В эту героическую страницу русской истории навсегда вписано имя Нахимова. Вот почему орден Нахимова украшает грудь лучших советских моряков.

П 29
41

КОСТЁР

4

АПРЕЛЬ

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ЛЕНИЗДАТ ★ ЦК ВЛКСМ ★ 1944 ★ ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЬМОЙ

Сергей Михалков

Малому было шестнадцать лет.
Малый вступил в комсомол.
Дали ему комсомольский билет,
Взял он его и пошел...

Малый учился, работал и рос,
Вот и в шинель он одет.
В этой шинели на фронт он принес
Свой комсомольский билет.

Не расставался он с ним никогда
В годы удач и невзгод.
Только однажды случилась беда:
Сбили его самолет.

Летчик в лесу, на чужой стороне,
Думает: есть пистолет,
Компас и карта со мной и при мне
Мой комсомольский билет.

Мне пистолет не откажет в бою.
Смерти я не боюсь, —
Или погибну за землю свою
Или к своим доберусь.

Карта поможет мне в трудном пути,
Компас покажет Восток.
Как мне до линии фронта дойти,
И по какой из дорог.

Совесть моя у меня на груди
В левом кармане моем.
Совесть моя говорит мне: „Иди!
Вынесем. Не пропадем!“

Летчик прополз, пробежал и пролез
Мимо чужих патрулей.
Крышей надежной служил ему лес,
Спутником верным — ручей.

Ветер из сел до него доносил
Дым и немецкую речь.
Месяц над пашнями свет свой гасил,
Чтобы его убересть.

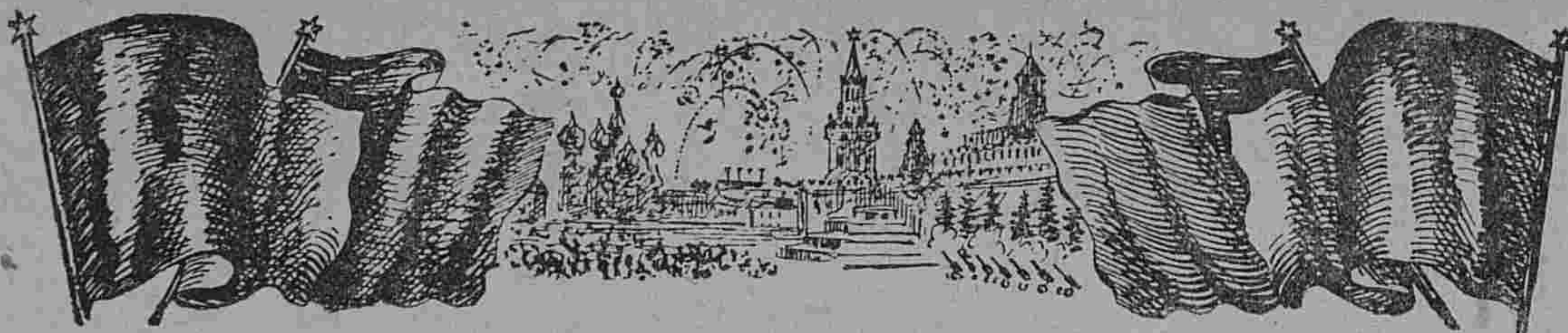
Летчик в пути бороною оброс,
Долго пришлось голодать.
Летчик за пачку любых папирос
Мог бы полжизни отдать...

Летчик вернулся в гвардейскую часть
К чести полка своего.
Знали друзья: он не должен пропасть,
И ожидали его.

С летчиком вместе вернулся домой,
Вид потерявший и цвет,
Всех испытаний свидетель немой,
Наш комсомольский билет.

★

ХІІ ПЛЕНУМ ЦК ВЛКСМ

В апреле месяце в Москве происходил XII пленум ЦК ВЛКСМ — первый за время Великой отечественной войны. Члены ЦК ВЛКСМ, секретари обкомов комсомола, приехавшие со всех концов нашей страны, собрались вместе с учеными, педагогами, писателями, чтобы обсудить вопрос о школе, об обучении и воспитании ребят.

В дни великих боев и побед партия и правительство неустанно заботятся о том, чтобы школьники, пионеры и комсомольцы росли знающими, умелыми, дисциплинированными, закаленными людьми. Такими, которые по окончании школы, войдя в „большую жизнь“, не растеряются перед трудностями, будут плодотворно работать и учиться, будут отважно защищать свою Родину.

Чтобы улучшить работу нашей советской школы, в этом году были приняты очень важные постановления: раздельное обучение мальчиков и девочек, обязательное военное обучение, прием детей в школу с семилетнего возраста, введение правил для учащихся и пятибалльной системы оценки знаний учащихся, увеличение заработной платы учителей, быстрое восстановление школ в районах, освобожденных от немцев, и другие.

Улучшать и развивать работу школы надо и дальше. И в этом должны помочь школе старшие, лучшие ее ученики — комсомольцы.

Школьники должны понять, что учитель — воспитатель, это наставник, умудренный опытом, прошедший большую школу жизни. Он требует от школьника выполнения его обязанностей, выполнения всех школьных правил.

Как мудрый, опытный капитан ведет через моря и океаны доверенные ему корабль и команду, так и учитель ведет школьника через годы его детства, отрочества и юности. Родина доверила учителю, директору школы быть кормчим, проводником детства и отрочества советских детей. И слово учителя — закон для школьника, такой же обязательный, как слово капитана на корабле.

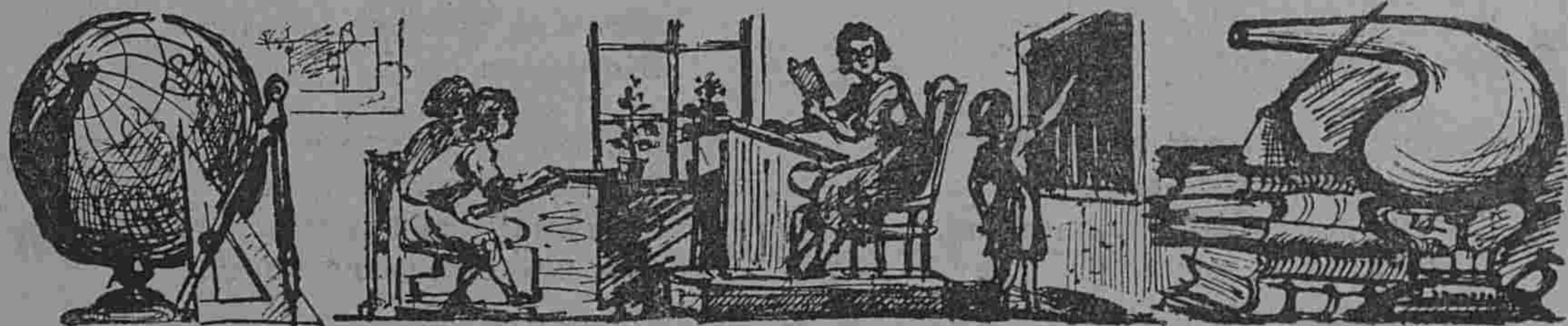
Вот поэтому в постановлении XII пленума ЦК ВЛКСМ записано: „Обязать комсомольские организации оказать директорам школ и учителям полную поддержку в укреплении дисциплины и наведении порядка в школе“.

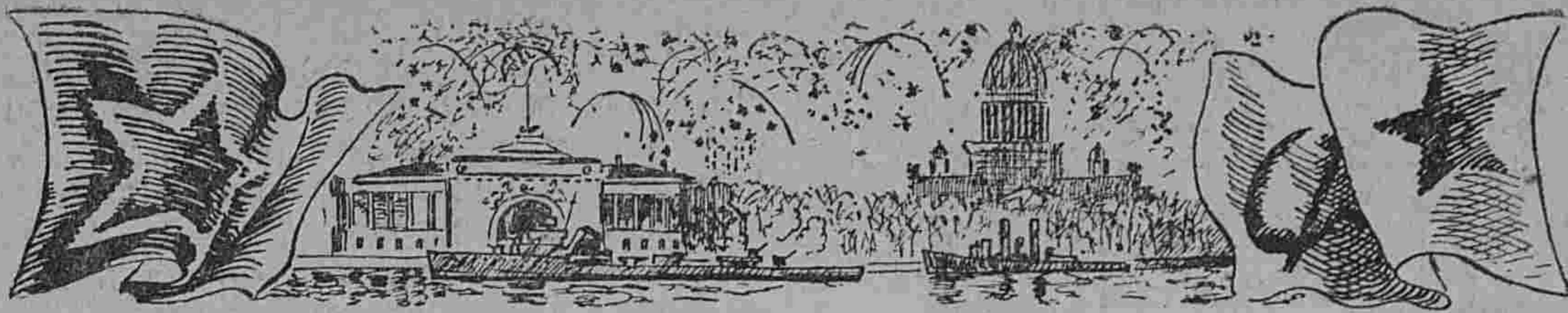
Все школьники должны это твердо запомнить и неустанно выполнять. Ни один пионер, ни один комсомолец отныне не имеет права вмешиваться в работу учителей и критиковать их на собраниях учащихся или в стенных газетах.

Главная задача школьной комсомольской организации — помогать учителю. Это записано в постановлении XII пленума.

В школе будущий гражданин, кроме знаний, умения самостоятельно работать, воспитывает еще свой ум, совесть, чувство долга, чести, товарищества. Здесь пионеры и комсомольцы получают новые жизненные уроки и направляют их первые жизненные шаги учителя и наставники. Вот почему педагоги будут присутствовать на комсомольских собраниях, на пионерских сборах.

Тысячи тысяч пионеров стремятся стать комсомольцами. Почетно быть принятым в ряды ВЛКСМ. А к этому пионер должен готовиться заранее и никогда не забывать о дисциплине и учении.

Судить об ученике, пионере и комсомольце будут по отметкам, которые он получает. Чтобы изо дня в день, из года в год пополнять, расширять и закреплять свои знания, каждый школьник и школьница должны с детства научиться дружить с книгой. Чтение книг совершенствует ум человека, обогащает его знания, учит глубоко любить Родину, природу, помогает правильно понять законы развития человеческого общества, основы отношений между людьми.

Как бы ни был занят ученик, как бы много уроков ни пришлось ему готовить, он должен найти время для ежедневного чтения.

Вот, что пишет старая большевичка Е. Д. Стасова, обращаясь к пионерам:

„Ленин был образованный человек. В своих сочинениях и письмах он упоминает много мировых ученых и цитирует их. Он любил русскую литературу и знал на память много стихотворений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, знал большие отрывки из сочинений Щедрина-Салтыкова и других писателей. У него развилась замечательная память благодаря тому, что он постоянно ее упражнял и совершенствовал.

Образованнейший человек и товарищ Сталин. Как-то перед войной он упомянул в разговоре, что считает для себя потерянным тот день, когда он не просмотрит 500 страниц из сочинений разных авторов.

500 страниц! Это при той огромной работе, которую он ведет!“

Все великие русские ученые, полководцы, флотоводцы, революционеры, изобретатели, путешественники, артисты любили, уважали книгу, были с ней по-настоящему дружны.

Каждая прочитанная книга вызывает много новых мыслей. Почему же не собраться с товарищами и не прочесть ее, а потом всем сообща не обсудить ее.

Можно устраивать увлекательные военные игры летом и применять те знания и навыки, которые вы приобрели во время учебного года. Вспомните, игра в потешных помогла создать великому русскому полководцу Петру I могущественную, хорошо обученную армию.

Жизнь каждого пионерского звена, отряда, дружины может быть увлекательной. Надо только захотеть. И в этом всегда помогут старшие товарищи — комсомольцы и учителя.

Когда пионеру исполнится четырнадцать лет, его могут принять в ряды комсомольской организации. Пионерская организация будет рекомендовать только лучших учеников, достойнейших пионеров. Нерадивым, невежественным, ленивым, недисциплинированным юношам и девушкам нет места в рядах комсомола. Поэтому, принимая в комсомол нового члена — пионера — комсомольская организация будет считаться с мнением учителя, воспитателя.

Как член ВЛКСМ ученик должен будет вместе с остальными комсомольцами помогать школе воспитывать честных и мужественных людей.

Другой вопрос, который обсуждался на XII пленуме ЦК ВЛКСМ, — это о задачах комсомола в деревне. Чтобы помочь стране, колхозная молодежь должна вырастить богатый урожай, дать стране как можно больше хлеба, овощей, снабдить фабрики и заводы сырьем. Это дело чести колхозных комсомольцев.

Есть в Ленинграде в Приморском районе школа № 52. Учатся в ней мальчики. В 4-1-м классе тридцать четыре ученика и все они до одного пионеры. Номер их отряда в дружине четвертый.

Осенью, когда начались занятия, в 4-1-й класс пришла новая воспитательница Елена Александровна Пичурова. Елена Александровна — математик. Она преподает в школе почти четверть века — двадцать четыре года.

Мальчики, с которыми она впервые встретилась в этом классе, были самые разные. Озорные и тихие, ленивые и прилежные, высокого роста и маленького, черноглазые и голубоглазые, любители прокатиться на подножке трамвая и противники этого вида „уличного спорта“. В общем, класс как класс. Мальчики как мальчики.

Но только очень скоро случилось так, что все тридцать четыре ученика подружился со своей новой воспитательницей. Как это произошло и почему — рассказывать долго. Но только после уроков почти весь класс оставался на занятия кружка математиков или „юных разведчиков“. Оба же эти кружка вела Елена Александровна. Заниматься здесь было удивительно интересно.

Прошло почти полгода. И вдруг Елена Александровна тяжело заболела. Целый месяц не приходила она в школу. Во время ее болезни воспитанники то по-двое, то по-трое навещали свою учительницу. Каждый день они ехали к Елене Александровне с Петроградской стороны в Лесной, чтобы привезти ей обед из школьной столовой. И всякий раз мальчики настойчиво предлагали свои услуги по „дровяному делу“.

„Я говорю мальчикам, что все дрова у меня распилены и что есть кому их принести, а они не верят. Прямо беда с ними была!“ — вспоминает Елена Александровна.

И вот, вскоре после того как Елена Александровна вернулась в школу, пионерский отряд ее класса решил устроить костер, посвященный жизни и деятельности великого русского полководца Александра Васильевича Суворова. Но мальчики даже не могли себе представить, как обойтись без Елены Александровны. Ведь с ней они советуются по всем школьным делам, и не только по школьным, а и по домашним, — мало ли что в жизни случается! Как же не принять ей участия в их пионерской работе. Просто невозможно. И когда отряд попросил свою учительницу и воспитательницу помочь им, — Елена Александровна с радостью согласилась.

Вместе с Еленой Александровной и старшей пионервожатой школы Машей был составлен план действия. Прежде всего нужно было прочитать книги о Суворове, — об его жизни, походах, военном искусстве. Таких книг оказалось много. Но чем больше мальчики читали этих книг, тем больше и больше хотелось им узнать о великом полководце. Каждый разыскивал и дома, и у знакомых все новые и новые статьи о Суворове, стихи, рассказы, повести, исторические анекдоты. Суворовские пословицы, даты его жизни и деятельности почти весь класс знал наизусть. А однажды несколько мальчиков вместе с пионервожатой Машей даже поехали в Публичную библиотеку. Директор библиотеки распорядился отвести молодым историкам отдельную комнату. Он опасался, что мальчики будут мешать заниматься взрослым читателям — студентам, ученым. Но юные поклонники Суворова вели себя безукоризненно: они ничем не нарушили торжественной рабочей тишины одной из самых знаменитых библиотек мира.

На костер, посвященный Суворову, все участники решили явиться одетыми в костюмы суворовских солдат. Но где взять столько костюмов? Напрокат в театре? Это обойдется очень дорого. А что если сделать самим? Работы предстояло много. Ведь каждому нужна и суворовская шапка, и шпага, и пояс с перевязью.

Каждый день после обеда, закончив подготовку уроков на завтра, мальчики собирались в своем классе. Под наблюдением Елены Александровны они клеили из бумаги и картона высокие суворовские шапки и раскрашивали их. Из палок выточили шпаги, обклеили их серебряной бумагой, сделали ручки. Специалистом по шпагам оказался Сережа Ильин. Они у него получались совсем как настоящие. Много возни и хлопот

доставили пояса и перевязи. Перевязь надевается, вроде как португеза и скрепляется на груди. И пояс и перевязь нужно или шить на руках или прострочить на машинке. Мало кто прибегал к помощи домашних — мамы или сестры. Мальчики сами шили и даже строчили на машинке. Ведь по-суворовски солдат все должен уметь делать, — и рубаху залатать или подметки подбить.

Сделали пионеры из 4-й класса и барабан, совсем как у суворовских барабанщиков.

Высокая стена крепости. Ворота наглухо закрыты. Перед крепостной стеной широкий ров. Это турецкая крепость Измаил.

Среди разрывов вражеской картечи бегут солдаты в высоких шапках, в руках у них старинные ружья с примкнутыми штыками. Часть из них стреляет „с колена“. Это русские войска штурмуют Измаил. Их ведет Суворов! А сам Суворов со шпагой в руке впереди своих солдат. Вот пушки, их грозные жерла обращены туда, на врага.

И крепость, и пушки, и фигурки солдат — все это сделано из картона и бумаги.

Главный строитель макета „Штурм Измаила“ — Слава Безиков. Его помощник, Коля Поросоченко, рисовал и раскрашивал фигурки солдат.

Тут же две картонные модели суворовских пушек. Рядом на столе разложены ордена, которыми был награжден Суворов. Около каждого ордена точная справка — когда и за что получил Суворов награду. Все эти вещи мальчики приготовили к своему костру. Боря Михалевкин нарисовал даже картину-декорацию — „Чортов мост“, — изображающую знаменитый суворовский переход через Альпы.

На свой костер пионеры пригласили гостей: учеников из других классов, учителей, родителей, послали приглашительные билеты в райком и горком Комсомола.

В 5 часов вечера 21 апреля в Доме пионера и школьника Приморского района был зажжен костер, посвященный великому полководцу России — Суворову.

Зажег костер лучший ученик класса, начальник штаба отряда Саша Степанов. Сорок пять минут горел костер, а его участники рассказывали о человеке, который сделался для них одним из самых любимых героев. Таким героем, которому хочется подражать и быть хоть немного похожим на него.

А через несколько дней после пионерского костра мальчики из четвертого отряда 52-й школы поехали на могилу Суворова и возложили на нее венок.

Глубоко взволнованные стояли они, обнажив головы, у могилы одного из величайших полководцев России.

И если теперь эти четырехклассники мечтают о том, как они летом будут играть в „суворовских солдат“ в совхозе, куда они поедут огородничать, то это мечты хорошие, настоящие мальчишковые!

Все полтора месяца, пока пионеры четвертого отряда готовили свой костер, Елена Александровна уходила из школы поздно вечером. И за эти недели ее воспитанники прониклись к ней безграничным уважением и благодарностью.

Недавно Елена Александровна была награждена значком „Отличник народного просвещения“.

Ее ученики горячо поздравили свою учительницу.

Е. Боронина

МАСТЕРА

3. Александрова

В освобожденном городке
Стекольщик нарасхват,
А стекла у него в руке
Танцуют и звенят.
Они звенят, они поют:
„Мы снова тут как тут,
И нам больше немцы не придут
И нас не разобьют!“
А у стекольщика есть друг, —
Старинный друг печник,

Все печки — дело этих рук,
Все трубы он воздвиг.
В холодный дом пришли с утра
Стекольщик с печником,
Весь день трудились мастера
И снова ожил дом.
Один исправил дымоход,
Другой вставлял стекло,
И снова дым в трубу идет,
А в комнаты — тепло.

У классной доски

Лев Кассиль

Рис. Н. Петровой

Про учительницу Ксению Андреевну Карташову говорили, что у нее руки поют. Движения у нее были мягкие, неторопливые, округлые, и когда она объясняла урок в классе, ребята следили за каждым мановением руки учительницы. Зашумят в классе, она поднимет свою легкую руку, поведет ею, — и весь класс словно прислушивается, сразу становится тихо.

Тридцать два года учительствовала в селе Ксения Андреевна.

Волосы у нее давно побелели, но глаза не выцвели, — были такие же синие и ясные, как в молодости. И всякий, кто встречал этот ровный и светлый взгляд, невольно веселел и начинал думать, что, честное слово, не такой уж он плохой человек и на свете жить безусловно стоит.

Когда писала Ксения Андреевна на классной доске условия задачи или примеры из грамматики, мел не стучал, не скрипел, не крошился, и ребятам казалось, что из мелка, как из тюбика, легко и вкусно выдавливается белая струйка, выписывая на черной глади доски буквы и цифры. „Не спеши! Не скачи, подумай сперва как следует!“ — мягко говорила Ксения Андреевна, когда ученик начинал плутать в задаче или в предложении.

Не заспешила Ксения Андреевна и в этот раз. Как только послышалась трескотня моторов, учительница строго оглядела небо и привычным голосом сказала ребятам, чтобы все шли к траншее, вырытой в школьном дворе.

Школа стояла немножко в стороне от села, на пригорке. Окна классов выходили к обрыву над рекой. Занятий не было. Фронт проходил совсем недалеко от села. Где-то рядом громы хали бои. Части Красной Армии отошли за реку и укрепились там. А колхозники собрали партизанский отряд и ушли в ближний лес за селом. Школьники носили им туда еду, рассказывали партизанам, где и когда были замечены немцы. Костя Рожков — лучший пловец школы — не раз доставлял на тот берег красноармейцам донесения от командира лесных партизан. Шура Капустина однажды сама перевязала раны двум пострадавшим в бою партизанам, — этому искусству научила ее Ксения Андреевна. Даже Сеня Пичугин, известный тихоня, высмотрел как-то за селом немецкий патруль и, разведав, куда он идет, успел предупредить партизан.

Под вечер ребята собирались у школы и обо всем рассказывали учительнице. Ксения Андреевна жила при школе. Так было и этот раз, когда совсем близко заурчали моторы. Фашистские самолеты не раз уж налетали на село, бросали бомбы, рыскали над лесом в поисках партизан.

Но теперь урчали не самолеты. Ребята еще не успели спрятаться в щель, как на школьный двор, перепрыгнув через невысокий палисад, забежали три запыленных немца. Автомобильные очки со створчатыми стеклами блестели на их шлемах. Это были разведчики-мотоциклисты. Они оставили свои машины в кустах. С трех разных сторон, но все разом, они бросились к школьникам и нацелили на них свои скорострельные пистолеты.

— Стой! — закричал худой длиннорукий немец с короткими рыжими усиками, должно быть начальник. — Пионирен? — спросил он.

Ребята молчали, невольно отодвигаясь от дула пистолета, который немец по очереди совал им в лицо.

Но жесткие, холодные стволы двух других автоматов больно нажимали сзади в спины и шеи школьников.

Ксения Андреевна шагнула вперед прямо на немца и прикрыла собой ребят.

— Что вы хотите? — спросила учительница и строго посмотрела в глаза немцу. Ее синий и спокойный взор смутил невольно отступившего фашиста.

— Кто такое вы? Отвечать сию минуту... Я кой-чем говорить по-русски.

— Я понимаю по-немецки, — тихо отвечала учительница, — но говорить мне с вами не о чем. Это мои ученики, я учительница местной школы. Вы можете опустить ваш револьвер. Что вам угодно? Зачем вы пугаете детей?

— Не учить меня! — зашипел разведчик.

Двое других немцев тревожно оглядывались по сторонам. Один из них сказал что-то начальнику. Тот забеспокоился, посмотрел в сторону села и стал толкать дулом пистолета учительницу и ребят по направлению к школе.

— Ну, ну, поторапливайся, — проговорил он, — мы спешим... — Он пригрозил пистолетом. — Два маленьких вопроса — и все будет в порядке.

Ребят вместе с Ксенией Андреевной втокнули в класс. Один из фашистов остался

сторожить на школьном крыльце. Другой немец и начальник загнали ребят за парты.

— Садитесь, ребята,— своим негромким и обычным голосом сказала Ксения Андреевна, как-будто начинался очередной урок.

Ребята осторожно расселись. Они сидели молча, не спуская глаз с учительницы. По привычке они сели на свои места, как сидели обычно в классе: Сеня Пичугин и Шура Капустина впереди, а Костя Рожков сзади всех, на последней парте. И, очутившись на своих местах, ребята понемногу успокоились.

За окнами класса, на стеклах которых были наклеены защитные полоски, спокойно голубело небо, на подоконнике в банках и ящиках стояли цветы, выращенные ребятами. Стену класса украшали аккуратно наклеенные гер-

Не дожидаясь, пока он подойдет поближе, немец вырвал у него стул, поставил перед столом и сел.

— Теперь каждый меня будет слушать!— сказал он.

И, коверкая слова, фашист стал говорить ребятам о том, что в лесу скрываются красные партизаны и он это прекрасно знает и ребята тоже это прекрасно знают. И теперь ребята должны сказать начальнику, где спрятались партизаны. Если ребята скажут, где сейчас партизаны,— все будет хорошо. Если ребята не скажут,— все будет очень плохо.

— Теперь я буду слушать каждый!— закончил свою речь немец.

Начальник подозвал своего помощника и взял у него карту.

барий. Старший немец задел плечом один из наклеенных листов, и на пол посыпались с легким хрустом засушенные ромашки, хрупкие стебельки и веточки.

Это больно резнуло ребят по сердцу.

А когда один из фашистов подошел к столу, за которым обычно сидела Ксения Андреевна, и пнул его ногой, ребята почувствовали себя глубоко оскорбленными.

Начальник потребовал, чтобы ему дали стул. Никто из ребят не пошевелился.

— Ну!— прикрикнул фашист.

— Здесь слушаются только меня,— сказала Ксения Андреевна.— Пичугин, принеси, пожалуйста, стул из коридора.

Тихонький Сеня Пичугин неслышно соскользнул с парты и пошел за стулом. Он долго не возвращался.

— Пичугин, поскорее!— позвала Сеню учительница.

Тот явился через минуту, волоча тяжелый стул с сиденьем, обитым черной клеенкой.

— Скажите им,— сказал он по-немецки Ксении Андреевне,— чтобы они показали мне на карте или на плане это место. Ну, живо! Только смотрите у меня...— Он заговорил опять по-русски.— Я вам предупреждаю, что я понятен русскому языку и что вы будете сказать детей...

Он подошел к доске, взял мелок и быстро набросал план местности— реку, село, школу, лес...

— Может быть, вы все-таки подумаете и сами скажете мне все, что надо?— тихо спросил начальник по-немецки у учительницы, вплотную подойдя к ней.— Дети не поймут, говорите по-немецки.

— Я уже сказала вам, что никогда не была там и не знаю, где это,— ответила Ксения Андреевна.

Фашист, схватив своими длинными руками Ксению Андреевну за плечи, грубо потряс ее.

— Смотри, я буду пока очень добрый, но дальше...

Ксения Андреевна высвободилась, сделала шаг вперед, подошла к партам, оперлась обеими руками на переднюю и сказала:

— Ребята! Этот человек хочет, чтобы мы сказали ему, где находятся наши партизаны. Я не знаю, где они находятся. Я там никогда не была. И вы тоже не знаете. Правда?

— Не знаем, не знаем... — зашумели ребята. — Кто их знает, где они! Ушли в лес — и все.

— Вы совсем скверные учащиеся, — попробовал пошутить немец, — не может отвечать на такой простой вопрос. Ай, ай...

Он с деланной веселостью оглядел класс, но не встретил ни одной улыбки. Ребята сидели строгие и настороженные. Тихо было в классе, только слышно было, как угрюмо сопит на первой парте Сеня Пичугин. Немец подошел к нему:

— Ну ты, как звать?.. Ты тоже не знаешь?...

— Не знаю, — тихо ответил Сеня.

— А это что такое, знаешь? — и немец ткнул дулом пистолета в опущенный подбородок Сени.

— Это знаю, — сказал Сеня. — Пистолет-автомат системы „Вальтер“...

— А ты знаешь, сколько он может убивать таких скверных учащихся?

— Не знаю. Сами считайте... — буркнул Сеня.

— Кто такое! — закричал немец. — Ты сказал: сами считать! Очень прекрасно! Я буду сам считать до трех. И если никто мне не сказать, что я просил, я буду стрелять сперва вашу упрямую учительницу. А потом — всякий, кто не скажет. Я начинал считать! Раз!..

Он схватил Ксению Андреевну за руку и рванул ее к стене. И класс загудел. Другой фашист тотчас направил на ребят свой пистолет.

— Дети, не надо, — тихо произнесла Ксения Андреевна и хотела по привычке поднять руку, но фашист ударил стволом пистолета по ее кисти, и рука бессильно упала.

— Альзо, итак, никто не знай из вас, где партизаны, — сказал немец. — Прекрасно, будем считать. „Раз“ я уже говорил, теперь будет „два“.

Фашист стал поднимать пистолет, целя в голову учительнице. На передней парте забились в рыдания Шура Капустина.

— Молчи, Шура, молчи, — прошептала Ксения Андреевна, и губы ее почти не двигались. — Пусть все молчат, — медленно проговорила она, оглядывая класс, — кому страшно, пусть отвернется. Не надо смотреть, ребята... Прощайте! Учитесь хорошенько. И этот наш урок запомните...

И вдруг на задней парте поднялся Костя Рожков и поднял руку:

— Она правда не знает! А я знаю... — громко и отчетливо сказал Костя. — Я сам туда ходил. А она не была и не знает.

— Рожков, зачем ты говоришь неправду? — проговорила Ксения Андреевна.

— Я правду говорю, — упрямо и жестко сказал Костя и посмотрел в глаза учительнице.

— Костя... — начала Ксения Андреевна. Но Рожков перебил ее:

— Ксения Андреевна, я сам знаю...

Костя вышел к доске, взял мел.

— Вот, глядите сюда, — зашептал он, — я покажу где...

Немец подошел к нему и наклонился, чтобы лучше рассмотреть, что показывает мальчик. И вдруг Костя обеими руками из всех сил ударил черную гладь доски. Так делают, когда, исписав одну сторону, доску собираются перевернуть на другую. Доска резко повернулась в своей раме, взвизгнула и с размаху ударила фашиста по лицу. Он отлетел в сторону, а Костя прыгнул через раму, нырнул, скрылся за доской, как за щитом. Фашист, схватившись за разбитое в кровь лицо, бестолку палил в доску, всаживая в нее пулю за пулей.

Напрасно... За классной доской было окно, выходящее к обрыву над рекой. Костя, не задумываясь, прыгнул в открытое окно, бросился с обрыва и поплыл к другому берегу.

Второй фашист, оттолкнув Ксению Андреевну, подбежал к окну и стал стрелять по мальчику из пистолета. Начальник отпихнул его в сторону, вырвал у него пистолет и сам прицелился через окно.

В это время, заслышав пальбу на селе, из леса выскочили выслеживавшие мотоциклистов партизаны. Увидев их, немец, стороживший на крыльце, выпалил в воздух, прокричал что-то своим товарищам и кинулся в кусты, где были спрятаны мотоциклы. Но по кустам, прошивая листья, срезая ветки, хлестнула пулеметная очередь красноармейского дозора, что был на другом берегу...

Прошло не более пятнадцати минут, и в класс, куда снова ввалились взволнованные ребята, партизаны привели троих обезоруженных немцев. Командир партизанского отряда взял тяжелый стул, придвинул его к столу и хотел сесть, но Сеня Пичугин вдруг кинулся вперед и выхватил у него стул.

— Не надо, не надо! Я вам сейчас другой принесу.

И мигом притащил из коридора другой стул, а этот задвинул за доску. Командир партизанского отряда сел и вызвал к столу для допроса начальника фашистов. А двое

других, помятые и притихшие, сели рядышком на парте Сени Пичугина и Шуры Капустиной.

— Он чуть Ксению Андреевну не убил, — зашептала Шура Капустина командиру, показывая на фашистского разведчика.

— Не совсем точно так, — забормотал немец, — это правильно совсем не я...

— Он, он! — закричал тихонький Сеня Пичугин. — У него метка осталась... я... когда стул тащил, на клеенку чернила опрокинул...

Командир перегнулся через стол, взглянул и усмехнулся: на серых штанах фашиста сзади темнело чернильное пятно...

В класс вошла Ксения Андреевна. Она ходила на берег узнать, благополучно ли доплыл Костя Рожков. Немцы, сидевшие за передней партой, с удивлением посмотрели на вскочившего командира.

— Встать! — закричал на них командир. — У нас в классе полагается вставать, когда учительница входит. Не тому вас, видно, учили!

Два фашиста послушно поднялись.

— Разрешите продолжать наше занятие, Ксения Андреевна, — спросил командир.

— Сидите, сидите, Широков.

— Нет уж, Ксения Андреевна, занимайте свое законное место, — возразил Широков, придвигая стул, — в этом помещении вы у нас хозяйка. И я тут вон за той партой уму-разуму набрался, и дочка моя тут у вас образование получает... Извините, Ксения Андреевна, что пришлось этих охальников в класс ваш допустить. Ну, раз уж так вышло, вот вы их сами и порасспрошайте толком. Подсобите нам: вы по-ихнему знаете...

И Ксения Андреевна заняла свое место за столом, у которого она обучила за тридцать два года много хороших людей. А сейчас перед этим столом, рядом с классной доской, пробитой пулями, мялся длиннорукий рыжеусый верзила, нервно оправлял куртку, мычал что-то и прятал глаза от синего строгого взгляда старой учительницы.

★

Дружные ребята

Алла Кузнецова

Дружно мы взялись за дело —
Чиним, красим все кругом.
Молотки, ведерки мела
Притащили в школьный дом.

На стене повисли карты,
Под окошком новый стол,
Друг за другом встали парты,
Ярко блещет чистый пол.

За зелеными кустами
В лес отправимся сейчас.
Деревца посадим сами —
Чудный будет сад у нас.

И черемухи и клены
Приживутся в том саду —
Расцветет наш сад зеленый
Летом в будущем году...

Все в порядке, все готово!
Чист и светел школьный дом.
Скоро можно будет снова
За учебу взяться в нем!

РАССКАЖИТЕ НА ШИОНЕРСКОМ СБОРЕ

О ГЕРОЯХ-СПОРТСМЕНАХ

Чемпион ледяной воды

Спорт закаляет. Развивает силу, укрепляет волю. Делает человека выносливым, помогает выйти победителем из самых трудных испытаний.

Судите сами: мог ли, например, краснофлотец Яков Званцев, старшина второй статьи, совершить свой подвиг, если бы он не был отличным и выносливым пловцом.

Это случилось во время разведки вражеского тыла. Три советских моряка, и среди них старшина Званцев, добрались на лодке до неприятельского берега.

Моряки собрали уже немало ценных сведений, когда в лесу встретили автомобиль с фашистами. Разведчики пустили в ход гранаты. Из четырех гитлеровцев трое были убиты, а четвертый — офицер — взят в плен старшиной Званцевым. Но потери понесли и моряки: один был убит, другой ранен.

Между тем найденные в автомобиле документы говорили: враги готовятся к вылазке.

Значит, следует немедленно предупредить командование. Но как это сделать? Ведь катер за разведчиками придет только к исходу суток.

Званцев связал пленного, заткнул ему рот тряпкой, перевязал раненого товарища, дал ему револьвер, а сам взял его на руки. Необычайные конвоиры погнались пленного к берегу моря....

На морском берегу Званцев еще крепче связал пленного фашиста и уложил его подле раненого моряка. Укрыл потеплее товарища, обнял его на прощанье. Документы фашистов старшина сложил в резиновый мешочек и привязал его к груди. Потом прыгнул в лодку, взялся за весла и направился к своему берегу.

Шлюпку швыряло в волнах. Ветер все крепчал и крепчал. И вдруг сильный шквал опрокинул лодку. Званцев очутился в холодной ледяной воде.

Он скинул брюки, сапоги и поплыл. Силь-

ные движения согрели его. А волны бросали пловца то вверх, то вниз...

Званцев был опытный, очень опытный пловец. И к тому же закаленный, привычный к холодной воде. Поздней осенью, когда его товарищи краснофлотцы уже прекращали купание, старшина еще продолжал тренироваться. Он оставался в ледяной воде по пятнадцать — двадцать минут, проплывая около километра. Но теперь ему предстояло плыть целых пять километров и при том по бурному морю. У Званцева коченели то мышцы шеи и затылка, то живота. Он останавливался и растирал их. Потом согревался и плыл дальше, меняя кроль на брасс. Опять холод донимал моряка.

Разведчик кувыркался в воде, изгибался, растирал и колотил себя. И снова плыл...

Званцев уставал. Все чаще сводили судороги его тело. Он собирал всю свою волю, чтобы не потерять сознание. Силы уже совсем покидали его, когда волна выбросила его на берег. Но встать он не мог. Только бы не замерзнуть! Званцев катался по песчаному берегу, чтобы не окоченеть. Растирал застывшие мышцы. Наконец он смог передвигаться ползком. Потом встал и, шатаясь, побрел.

Когда он добрался до своей части и передал командованию документы, то потерял сознание. Но Званцев не опоздал. Благодаря ему, вражеская вылазка была предотвращена. А раненого разведчика и пленного немца моряки доставили в свою часть.

Вот какой подвиг совершил старшина Званцев, отличный пловец, которого прозвали „чемпионом ледяной воды“.

Снежный проплыв

„Спорту я обязан жизнью и воинской славой, — говорит Мазуров, офицер Красной Армии, награжденный тремя орденами.

Однажды перед началом атаки Мазурову, тогда еще младшему лейтенанту, приказали возглавить разведку, чтобы установить силы

противника, их расположение и добыть языка.

Десять добровольцев вызвались идти с Мазуровым в разведку. Предстояло проползти по сплошному снегу десять километров на виду у врага.

Отличный спортсмен — чемпион СССР и Москвы по прыжкам в воду — Мазуров решил сначала устроить тренировку, чтобы отобрать из этих десяти самых выносливых и научить их ползать по снегу.

На лесную поляну вышли десять бойцов в маскировочных халатах, в белых чулках поверх валенок, с автоматами, обернутыми белыми тряпками.

„На старт! Внимание... Марш!“ — раздавалась в лесу необычная для фронта спортивная команда.

Бойцы поползли. Их белые фигуры слились со снежной пеленой. Эту тренировку можно было назвать с полным правом снежным проплывом! Зарывшись в снег и пробилая через него путь, бойцы двигались вперед и вперед. Снег, всюду снег. Он слепил людям глаза, набивался в рот. Но поднять голову над снегом, чтобы отдышаться, никто не имел права даже на секунду. Тот, кто нарушал это обязательное условие, выходил из соревнования.

Мазуров полз наравне с другими. Нелегко было „прогрызать“ снежную целину. Вскоре он стал мокрым от таявшего снега, от собственного пота. Дышать было трудно. Кровь стучала в висках. Иногда казалось, что руки отказываются разгрести снег...

Вечером Мазуров и четыре разведчика самых выносливых готовились к походу в стан врага. С соседнего участка доносились выстрелы: это наши бойцы отвлекали внимание фашистов.

Одетые во все белое, разведчики поползли. Теперь они ползли гуськом, по очереди прокладывая в снегу путь: нужно было экономить свои силы.

Немцы то и дело освещали снежную равнину ракетами. В эти мгновенья Мазуров оглядывал и изучал местность.

Снежный поход близился к концу, когда при свете ракеты Мазурову показалось, что

совсем близко от них что-то движется в снегу. Он остановил бойцов, приказал им взять ножи в зубы и приготовить автоматы.

Когда взвилась новая ракета, Мазуров успел разглядеть: по снегу ползут гитлеровцы. Через несколько мгновений фашисты наткнулись на их траншею в снегу. Мазуров приказал двум бойцам отползти назад и по условному сигналу броситься на врагов с двух сторон.

Все произошло так, как рассчитал Мазуров. Когда фашисты поровнялись со снежной траншеей, на них бросились разведчики. В короткой горячей схватке три гитлеровца были уничтожены, а одного — оберлейтенанта — разведчики доставили в часть.

Из лыжников — лыжник

Лыжник-спортсмен Владимир Мягков за доблесть в боях за родину получил высокую награду: звание Героя Советского Союза.

Однажды лыжный отряд его разведчиков возвращался из дальнего похода в тыл врага. Финны заметили небольшой отряд и стали его преследовать. Врагов было во много раз больше, чем наших разведчиков. Принять бой людям, утомленным дальним походом, со свежими и превосходящими силами врага было невозможно. Прежде всего следовало доставить важные донесения разведки нашему командованию.

Тогда Мягков поступил так: он приказал своим бойцам идти дальше, а сам залег у опушки леса. Как только финны подошли еще ближе, он открыл из автомата огонь. Финны рассыпались и начали ползком приближаться к отважному начальнику разведки. Мягков все время переползал с места на место, отстреливался. Он один более получаса сдерживал продвижение врага. За это время разведчики ушли километров на пять. Когда финны подобрались совсем близко к Мягкову, он, скрываясь за деревьями, стал на лыжи и бросился догонять своих. Финны устремились за ним. Но недаром Мягков был из лыжников — лыжник, чемпион СССР, — врагам не удалось догнать мастера лыжного спорта.

БЕЛГОРОДСКИЙ КИСЕЛЬ

Военная хитрость была свойственна нашему народу еще в глубокой древности.

Около тысячи лет тому назад, в 997 году, на Киевскую землю напали орды степных кочевников — печенегов.

Киевский князь Владимир со своей дружиной находился в это время далеко на севере.

Большое печенежское войско подошло к Белгороду. Белгородцы укрылись за крепкими городскими стенами.

Окружив город, печенеги решили взять его измором. Потянулись недели осады. День ото дня у белгородцев становилось все меньше припасов.

Горожане собрались и стали думать: что же им делать дальше? Казалось, остался один выход — сдать. Но с этой позорной мыслью белгородцы не хотели примириться.

И вот тогда один старый воин, не раз сражавшийся с печенегами, подал мудрый совет.

По предложению старика каждый белгородец принес горсть муки или крупы. А из княжеской кладовой взяли мед. Кисель, сваренный из муки, и мед вылили в две больших кадки. Каждую кядку поставили в колодец и края ее засыпали землей: будто один колодец полон киселя, а другой — меда.

Затем белгородцы позвали в город печенежских военачальников для переговоров. Те пришли с большой радостью, так как думали, что горожане решили сдать.

Белгородцы привели печенегов к колодцам. Военачальники заглянули в кадки и очень удивились, а потом призадумались. Конечно, такой город, где кисель и мед можно черпать прямо из колодцев, — такой город измором не взять. Но стоит ли тогда тратить время и силы на осаду? Посоветовавшись между собой, печенеги сняли осаду и ушли в степь.

В. Феоклистенко

Гремячая Башня

Елена Катерли

Рис. Н. Петровой

Глава VI *)

ПЕРВОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Прошло несколько дней. Погода совсем испортилась, дождь лил не переставая и ребята сидели дома. Занятия в школе не начались. Но! бабушка задавала уроки Лизе, Вере и Виктору и проверяла их. По вечерам приходили Сережа, Петька и Харитоша. Все собирались в кухне. Петровна зажигала маленькую лампу с самодельным бумажным абажуром, а бабушка приносила какую-нибудь книжку со своей полочки и читала вслух.

Когда на улице делалось совсем темно, раздавался тихий стук — это прибегал из „Новой Жизни“ почтальон Юрка. Он все еще носил форменную фуражку, но сумки для писем у него не было. Почты он больше не приносил. Бабушка всегда сама отворяла ему дверь и о чем-то шепталась с ним в сенях. Потом Юрка старательно вытирал ноги о половик, входил в кухню и присаживался к столу.

— Почему ты нам писем не носишь? — приставала Лиза. — От мамы с папой?

— Эх, ты, а еще городская! Письма-то ведь к нам из Лютова возили, а туда они со всех фронтов, из всех городов попадали, на почтовом поезде. А теперь поезда с нашей, с советской земли не ходят, там даже, говорят, и путь разобран, и мосты взорваны, чтобы немцы дальше проехать не могли.

Посидев немного, Юрка торопливо собирался обратно.

Ребята не могли понять — зачем, собственно, Юрка являлся? Прибежал из „Новой Жизни“ по дождю, посидел десять минут — и вдруг домой.

После ухода Юрки Петровна вынимала из печки горшок с кашей, наливала в бутылку молоко, отрезала хлеб и все это укладывала в корзинку. Сверху она обвязывала корзинку платком. Потом снимала с печки старенький кожушок, доставала большую темную шаль и высокие сапожки и принималась одевать Веру. Бабушка всякий раз уходила на минутку в свою комнату и возвращалась оттуда с письмом, запечатанным в маленький конвертик. Письмо это Вера прятала в карман, а бабушка закалывала карман булавкой. Прикрыв корзинку краем шали, Вера уходила в Гремячую башню.

Что делалось в Гремячей башне ребята не знали. Вера рассказывала, что корзинку у нее берет то Настасья Павловна, то Вася Шорин, то какой-то незнакомый мужчина:

— Я его не разглядела, темно было, только он неловкий какой-то. Чуть корзинку не уронил.

Однажды вечером Юрка дольше, чем обычно, шептался в сенях с бабушкой, а когда они вошли в кухню, то у бабушки лицо было расстроенное.

Бабушка позвала Петровну, они ушли в комнату, а Юрка, подсев к ребятам, прошептал таинственно:

— Немцы к нам пришли!

Ребята молча уставились на Юрку, и только Лиза тихонько пискнула от испуга.

— Трое приехало верхом, — продолжал шептать Юрка, — а лошадей всего две — двое на одной сидят. Явились, словно господа какие, в лучшую избу, хозяев выгнали, все берут без спросу. Собаку хозяйскую пристрелили за то, что бросалась на них.

— Я бы их самих пристрелил, если бы они моего Веселого тронули, — стукнул кулаком Сережка-инженер. — Гады! Гады!

— Пристрелишь! У них автоматы и даже пулеметик такой небольшой. Они пулеметик-то на окно поставили: как подойдешь, так и убьют... Никто к избе-то этой даже и не подходит, только Митька косою вместе с немцами сидит.

— Митька! — ахнул Харитоша, — это которого из счетоводов за воровство выгнали?

— Ну да, он. Митька еще на прошлой неделе в Лютово бегал, а когда вернулся, — грозился, что скоро немцы придут и, дескать, его опять в счетоводы поставят. Теперь он за немцев. По деревне ходил, объявлял, что завтра с утра собрание, — старосту выбирать. Одних только мужиков созывают, женщин — нет. Митька-то мечтает, что его выберут. Как же, дождется!

В это время в кухню вошли бабушка и Петровна. Бабушка была в пальто, голова повязана теплой косынкой. В руках она держала корзиночку, в которой Вера обычно относила еду в пещеры.

— Сегодня я сама пойду, — сказала бабушка, заметив удивленный взгляд Веры, — меня кто-нибудь из мальчиков проводит.

Витя, Сережа, Петя и Харитоша одновременно вскочили с лавки.

— Достаточно двоих, пусть Виктор с Сережей идут. А ты, Юра, дожись меня, — я быстро вернусь.

Бабушка попросила Петровну поставить самовар и накормить ребят ужином.

— Или, лучше, нас подождите, мы скоро вернемся, — передумала она.

Когда они ушли, Петровна принялась щепать лучину для самовара, а Лиза пристала к Юрке, чтобы он рассказал подробно — какие немцы.

— Страшные?

— Ну да! Ничего в них страшного нет, просто поганые. Один потолще — старший, видно, у них, а два — совсем плюгавые, ножки тонкие, глаза белые, свинячие, а под носом сопли.

— Полно тебе врать, — перебила его Петровна.

— А вот правда, с места мне не сойти, — сопли у них. Взошли в избу и сразу давай печку растоп-

*) Начало см. в „Костре“ № 1, 2 и 3 1944 г.

лять. На дворе дров полная поленница, а они — лавку ломать да мосток в сенях, вместо дров-то. Я в окошко видел — не сойти мне с этого места. В печке-то у хозяев обед стоял, так они вытащили горшки и давай жрать. Потом, с сапожищами-то — прямо на кровать на белое-то одеяло! Митька косой перед ними увивается, самовар раздувает, из хозяйской горки чашки праздничные достает. А подстаканник серебряный в карман себе положил...

— Ворюга! — сказала Петровна. — Ему и первый-то глаз за воровство выбили. Жалко, что не оба!

Петровна вздохнула с сожалением, собрала лучину и подожгла сразу весь пучок. Он затрещал, вспыхнул и она сунула его в самовар и наставила трубу. Огонь весело загудел в трубе. Вдруг Петровна взглянула на Юркины ноги и укоризненно покачала головой:

— Эка, как ты сапоги-то в грязище увалил! Давай я соломой оботру, да на печку сохнуть поставлю.

Юрка конфузливо спрятал ноги под лавку.

— Зря это, они у меня не просыхают. Бегаешь полный день туда-сюда, вот и намокают.

— Зачем ты бегаешь? — спросила Лиза.

— Дела, значит, есть, вот и бегаю.

— Какие же могут быть дела? Ведь ты уже не почтальон?

— Ну и что-же! Мое дело поважней, чем письма разносить, — я теперь связист!

— Связист? У кого связист? — Ребята во все глаза глядели на Юрку.

Но Юрка вдруг вспыхнул и замолчал. Он опустил глаза, надулся, и на его белесых бровях даже пот выступил от волнения.

— Тю-тю! — свистнул Петька. — Все понятно: у партизан ты связист. Ты Катерине Ивановне от партизан письма носишь, а Верка их вместе с едой передает.

— Юрочка, миленький! — взмолилась Вера. — Ты к партизанам ходишь; может быть, ты мою маму там видал? Юрочка скажи, — я по маме соскучилась как!

— Не видал я твою маму, — хмуро ответил Юрка. — И никаких партизан не знаю. Ношу письма от Николая Николаевича, а про что? Может про школьные дела.

— Врешь! врешь! врешь! — закричала Лиза. — Сам сказал, что сапоги не просыхают, потому что бегаешь. И не говори, и не надо. Вот Вера тоже, значит, связист, а не задается. А ты всегда задавалой был, и когда письма разносил, и теперь.

— Отступитесь вы от него, — прикрикнула на ребят Петровна. — Молчать надо обо всем, друг дружке и то не болтать, время-то какое наступило, — лютое! Подслушает ваши разговоры какой-нибудь Митька косой, — и повесят вас всех немцы за одни ваши разговоры.

Она сердито загремела самоварной трубой и поправила догоравшую лучину. Ребята притихли и смиренно сидели на лавке. Лиза положила голову Верочке на плечо и задумчиво смотрела на лампу. Верочка думала о своей маме: „где она, не встретили ли ее где-нибудь по дороге немцы, и не забрали ли в плен?“ Петька, нахмутив брови, соображал, как бы ему завтра побывать на собрании. Харитоша, присев на корточки около самовара, подбавлял в него лучину, а Юрка вдруг привалился к подоконнику и заснул, всхрапывая и посвистывая носом. На стене тихонько тикали ходики, и часовая стрелка уже приближалась к нарисованному на циферблате солнцу, из-за которого высовывалась цифра десять.

Под окном кто-то зашлепал по лужам, и все вздрогнули.

Потом в сенях зашаркали ногами, обтирая их о половик, дверь распахнулась и на пороге появилась бабушка. За ее спиной стоял Сережа.

— Не пили еще чай? Вот и хорошо! Сейчас все напьемся, — сказала бабушка.

Она сняла пальто, стащила с ног мокрые ботинки и надела валенки, которые Петровна достала с печки.

— Бабушка, а где же Виктор? — спросила Лиза, все время беспокойно поглядывая на дверь.

— Виктор ночевать дома не будет, он завтра придет, а мы сейчас ужинать — и спать. Нечего керосин зря жечь. Зима длинная, запасов у нас нет, а привезти керосин теперь некому.

Бабушка села за стол, и, заметив, что Лиза приуныла, погладила ее по голове:

— Не беспокойся, пуговка, цел будет наш Витюшка, я сама ему позволила дома не ночевать. У него дело одно есть, очень спешное. Будите Юру, — ему надо обратно итти, а на дорогу пусть поест с нами.

После ужина бабушка увела Юрку к себе в комнату. Потом она проводила его до калитки, заперла дверь и велела всем ложиться спать. Мальчишкам Петровна постелила на полу в кухне. Лиза и Верочка легли на свои кровати в бабушкиной комнате. Девочки долго не засыпали, на душе у них было тревожно. Они прислушивались к каждому звуку. Вот дождь громче забарабанил по крыше, деревья в саду зашумели сильнее. Треснуло что-то в коридоре, в комнате, в углу быстро-быстро заскреблась под полом мышка. Потом где-то в щелке тихонько зацикал сверчок. Под его пенье девочки и уснули.

* * *

Виктор вернулся на рассвете усталый и бледный. Бабушка сама отперла ему дверь, и он, передав ей небольшой сверток, туго перевязанный бечевкой, свалился на свою кровать и сразу уснул.

Бабушка развязала бечевку и платок, в который был завернут сверток. В платке лежала стопка маленьких листовок. Сверху крупными буквами было напечатано: „Немцы — наши враги“. Потом помельче; „Не дадим врагу нашего хлеба, масла, молока! Не позволим немецким ставленникам, подлым предателям, командовать нами“. Дальше было написано о том, что немцы хотят забрать у крестьян хлеб и другие продукты и кормить ими солдат немецкой армии, которая мучает и убивает наших братьев — советских людей. В листовке говорилось, что надо прятать от немцев продукты, ничего им не давать, не подчиняться их требованиям.

Бабушка внимательно прочитала листовку, потом разделила пачку на четыре части и пошла на кухню будить Петьку, Сережу и Харитошу. Они сразу вскочили.

— Ребята, — сказала бабушка, серьезно глядя на них. — Сегодня вам дается первое поручение: секретное, опасное и важное.

Мальчики придвинулись ближе, и бабушка заговорила шопотом, переводя взгляд с одного

лица на другое. Ребята слушали не шелохнувшись, они впились глазами в губы бабушки, которая говорила не торопясь, несколько раз повторяя одно и то же, как на уроке в школе.

— Поняли? — спросила она кончив. — Сумеете выполнить?

— Будет выполнено, Катерина Ивановна, — ответил за всех Петька, чуть заикаясь от волнения.

Бабушка дала ребятам по пачке листовок, а одну пачку свернула трубочкой и положила в карман своей юбки. Мальчики тоже спрятали свои пачки. Харитоша засунул листовки в голенища широких отцовских сапог, Сережка убрал их в шапку, а Петька, задрав рубаху, положил прямо на голый живот, а потом туго затянул рубаху ремнем.

— Будьте осторожны! — еще раз предупредила бабушка, провожая ребят и пожав каждому руку на прощанье.

Ребята спрыгнули с крыльца и исчезли в кустах, растущих за огородом.

Глава VII

В СРУБЕ

Около моста мальчики разошлись в разные стороны: Харитоша отправился в „Новую Жизнь“, Сережа — в Ананьино, а Петька — в Выползиху. Жителей всех этих деревень немцы сегодня вызвали на собрание. Ребята поэтому торопились разбросать листовки.

Выползиха была дальше всех, и Петька пустился бегом прямо через поле, без всякой дороги. Он бежал так быстро, что ветер свистел у него в ушах.

Дойдя до опушки леса, он пошел потише, зорко поглядывая по сторонам. В лесу было сыро, пахло прелыми листьями, тяжелые, мокрые ветки елок хлестали его по спине и по плечам.

Деревня стояла у самого леса, словно выползая из чащи деревьев. На околице ее были сделаны ворота из толстых жердей, их открывали только тогда, когда нужно было проехать телеге.

Петька перескочил через ворота и пошел по деревенской улице. Кругом было тихо и безлюдно и, если бы не дымок, курившийся над некоторыми избами, можно было бы подумать, что все жители из деревни ушли. Оглянувшись по сторонам, Петька увидел неподалеку новый, еще не достроенный сруб. Осторожно пробравшись к нему задом, он ловко вскарабкался по бревенчатой стене и юркнул в окно.

Внутри уже начали настилать пол. Белые, гладкие доски грудой лежали около стены, рядом курчавились желтоватые, тонкие стружки. Петька уселся на доски и, спрятавшись за косяк окна, стал наблюдать за улицей. Ничего подозрительного он не заметил. Тогда Петька вытащил из-за пазухи пачку листовок и принялся за работу: набрав небольших щепок и сухих комков глины, он стал заворачивать их в листовки, завязывая каждый пакетик ниткой. Свертки получались очень аккуратные.

Наделав больше десятка пакетов и убедившись, что на улице никого нет, Петька взял один сверток и, изловчившись, бросил его на дорогу. Пакетик упал на сухое утоптанное место.

„Скорей бы шел кто-нибудь, — подумал Петька. — Увидит сверток, подумает, что обронил кто-нибудь, и уж, конечно, развернет и листовку прочитает“.

Не успел Петька это подумать, как где-то рядом заскрипела калитка, и высокий старик с топором за поясом вышел на улицу. Он остановился около своего дома точно раздумывая, в какую сторону ему повернуть.

С замиранием сердца следил Петька за каждым его движением: старик снял шапку, почесал голову и снова нахлобучил шапку на самые брови. Поправил кушак, за которым торчал топор, и пошел по дороге —

прямо к белевшему на земле свертку.

„Дедушка, возьми сверток! Дедушка, посмотри под ноги — весь дрожа от волнения шептал Петька. — Дедушка, миленький, золотой...“

Старик уже приближался к свертку. Вот он поддел пакетик концом сапога, потом нагнулся и, повертев в руках, начал развязывать нитку. Забыв всякую осторожность, Петька чуть не по поясу высунулся из окна.

Старик сосредоточенно распутал нитку и бросил ее в сторону, развернул бумагу и вынул комочек глины. Он с удивлением повертел в руках глину, понюхал ее, даже попробовал, потом сплюнул, бросил и глину и смятую листовку, и зашагал дальше.

Петька чуть не заревел от досады, увидев, как смятая листовка упала в лужу и поплыла по ней.

Выбрав пакетик поаккуратней, Петька снова прицелился и бросил сверток на дорогу. Не успел он упасть на землю, как к нему подлетела сорока и принялась клевать.

— Кышш, кышш! — зашипел Петька и бросил в сороку щепкой. Сорока отскочила в сторону, потом хлопнула крыльями и опять принялась за сверток. Но по улице затарахтела телега и сорока взлетела на дерево.

Телега, запряженная сивой, косматой лошадейкой, ехала посередине дороги. На телеге сидела

закутанная шалью женщина. Лошадь, поровнявшись со свертком, наступила на него копытом, и сверток вдавился в грязь.

„Дурак я, дурак! — ругал себя Петька. — Тоже — придумал способ. Так можно неделю тут просидеть без всякого толку. Что же теперь делать?“

Не глядя он бросил на дорогу сразу два свертка и, отвернувшись от окна, уселся на доски.

„Наверно Харитон с Серезжкой уж все роздали, — думал он. — Что я скажу Катерине Ивановне? Пойду, просто раздам по избам и все. Попадусь — пусть, все равно никого не выдам — хоть до смерти замучай...“

Но тут Петька услышал голоса и быстро повернул голову к окну. На дороге стояли две девушки. Одна держала в руках листовку и читала ее вслух, а другая, широко открыв глаза, слушала.

— Гляди, еще! — вскрикнула девушка, и нагнувшись, быстро подняла и второй сверток.

— Такая же! — сказала она, разорвав нитку. — А вон еще — в луже плавает.

Она схватила мокрую, смятую листовку и, обтерев ее рукавом, протянула подруге. Потом девушки вдруг оглянулись по сторонам и, спрятав листовки, бегом бросились к избам.

Петька даже затопал ногами от восторга. „Ага! не пропали листовочки! Хорошей оказалась его выдумка!“ Он взял сразу пять пакетиков и бросил их на улицу, стараясь, чтоб они падали как можно дальше от сруба.

На этот раз ему не пришлось долго ждать: из избы, в которую вошли девушки, выбежал мальчуган лет четырнадцати и, сунув в рот пальцы, — пронзительно свистнул. Сразу же захлопали двери, заскрипели калитки и несколько мальчишек и девчонок выскочили из изб на улицу.

— Ребята! Сюда! — крикнул мальчишка.

Ребята окружили его, и он начал что-то рассказывать им, показывая рукой в сторону дороги. Через мгновение вся ватага кинулась к тому месту, где лежали свертки. Каждую находку мальчишки приветствовали победоносным криком. Они обшарили всю дорогу и выковыряли из земли даже придавленный лошадиным копытом сверток. Только убедившись в том, что на земле больше ничего не осталось, они разбежались по своим избам.

„Эх здорово! вот это здорово! — ликовал Петька. — Теперь все в деревне прочтут листовки! Жалко, я мало бросил, надо бы все!“

Он взял в горсть остальные пакетики и выбросил их на дорогу. Один пакетик упал около самого сруба:

„Надо дальше забросить, а то догадаются, что отсюда кидают,“ — подумал Петька и только хотел выскочить на улицу, как увидел, что с того конца деревни быстро, почти бегом, шагает человек. Человек этот был простоволосый в рубахе, без пояса, точно его спугнул кто-то и он даже не успел одеться.

„Сюда идет,“ — сообразил Петька.

Действительно, человек, оглядываясь по сторонам, подбежал к срубу и начал собирать свертки. Он, не разворачивая, пихал их в карман, потом выпрямился. Лицо у него было веселое и приветливое.

Петька отпрянул от окна и, метнувшись в угол, присел на корточки за кучу стружек. Он сидел, сдерживая дыхание и боясь хоть одним неосторожным движением выдать себя. Он слышал, как мужик поднялся, ухватившись руками за подоконник, вот он кашлянул и спросил негромко:

— Есть кто тут? Не бойся!

„Может откликнуться? — подумал Петька. — Нет, нельзя. Вдруг он нарочно так спрашивает!..“

Подождав ответа, человек кашлянул раз и, устав висеть на руках, тяжело спрыгнул вниз. Петька слышал, как он обошел кругом сруба, постоял немного около другого окна и зашагал обратно. Когда шаги его стали удаляться, Петька вылез из своего убежища, отряхнул приставшие к одежде стружки и пошел к окну, выходящему на зады.

„Уходить надо,“ — решил он.

Он выпрыгнул из окна, осмотрелся по сторонам и незаметно, огородами, выбрался в поле.

Но прежде чем пуститься в обратный путь, он вышел на дорогу, которая вела от Выползихи к „Новой Жизни“. Здесь, отойдя немного от деревни, он разбросал листовки на дороге, нацепил несколько штук на ветки придорожных кустов.

„Когда пойдут на собрание, — увидят. Подумают, что с самолета сбросили...“ — решил он и, перепрыгнув через канаву, побежал к лесу.

(Продолжение следует)

БУДЬ РАЗВЕДЧИКОМ НА ОГОРОДАХ

Весной, как только начинают набухать почки деревьев и пробуждается к жизни первая травка, появляются и вредители сельскохозяйственных растений: огородные блошки, прыгающие жучки, капустная муха и другие. Личинки некоторых вредителей пробираются к корням растений и вгрызаются в них. Растения с поврежденными корнями отстают в росте, а иногда и погибают.

Как уберечь растения? Как помочь подсобным хозяйствам и совхозам сохранить урожай?

Для борьбы с вредителями сельскохозяйственных растений организована Городская станция защиты растений (ГОРСТАЗР). Станция помогает снабжать совхозы и подсобные хозяйства химическими веществами, аппаратурой для уничтожения вредителей и дает советы, как с ними бороться.

Но, чтобы оказать во-время помощь, работники станции должны знать, где, когда и какие появляются вредители. Значит, у станции должны всюду быть свои разведчики, которые предупредят об опасности.

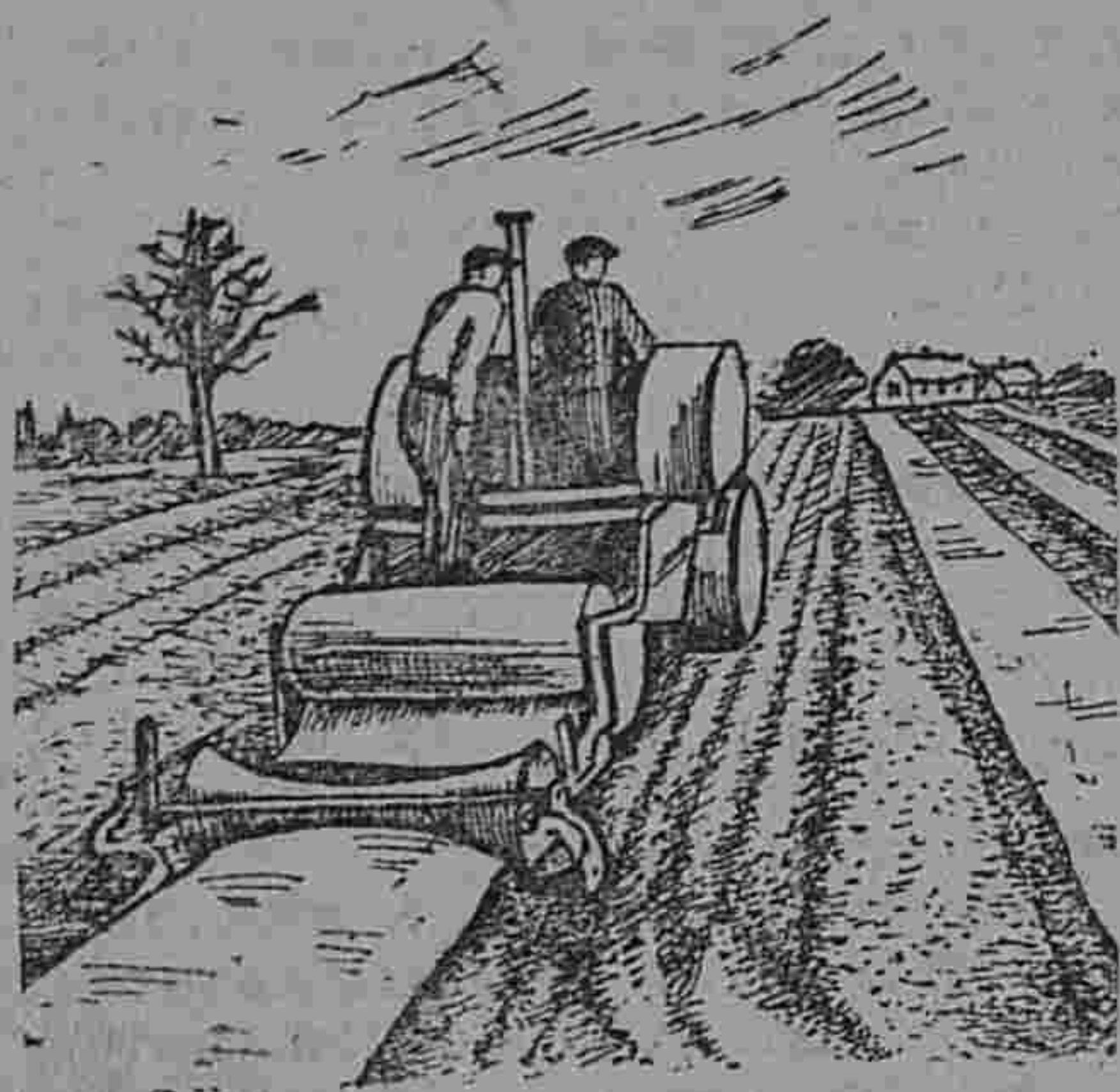
Таковыми разведчиками могут быть все молодые натуралисты-школьники. В прошлом году в ленинградском совхозе „Красная заря“ две ученицы 47-й школы Приморского района изучили основных вредителей и болезни овощных культур и узнали, как с ними бороться.

Обо всем девочки сообщали бригадирам и начальникам участков. Школьницы оказали большую помощь совхозу и помогли собрать отличный урожай овощей.

Почин девочек из 47-й школы должны подхватить все школьники Ленинграда. Это дело их чести.

Обращайтесь в ГОСТАЗР по адресу: Ул. Чайковского, д. № 7; телефон: Некр. АТС, 293-66

Директор ГОСТАЗР М. Владимирская

ГРЯДЫ ПОД БУМАГОЙ

В 1914 году на Гавайских островах плантации сахарного тростника стали буйно зарастать сорняками. Агроном Чарльз Эккарт не знал, что предпринять. Рабочих для прополки не хватало. И вот ему пришла мысль: между рядами сахарного тростника расстелить огромные листы тонкой бумаги. Сорняки, росшие подле тростника, теперь лишенные солнечного света, пробиться сквозь бумагу не смогли и погибли, а тростник дал необычайно высокий урожай.

Тогда попробовали покрыть бумагой плантации ананасов. Опять удача! Сорняки заглохли, а ананасы получились чудесными. Этот способ назвали мульчированием, от слова „мульч“ — покрывка.

Применять этот способ можно к посевам разных культур. Мульчирование увеличивает урожай кукурузы в семь раз, огурцов и моркови в пять раз, свеклы в четыре раза.

Почему же мульчирование улучшает урожай? Прежде всего потому, что сорняки под бумагой не растут, и все соки почвы достаются культурному растению. Бумажная покрывка задерживает испарение влаги с поверхности почвы и согревает ее. Если пользоваться черной мульчей, то она, поглощая солнечные лучи днем, ночью, как одеяло, не дает почве охладиться.

Под мульчей не испаряется влага. Под бумагой собирается углекислый газ, и, выходя через отверстия около растения, усиленно по-

глощается стеблем и листьями. Растение вырастает в постоянном притоке углекислого газа, — это как бы его воздушное удобрение. Все это повышает урожай.

Покрывают посеы такой бумагой, которая бы не размокала. Для этого ее пропитывают особым составом. Мульчированная бумага может продержаться на полях до пяти лет.

Такую бумагу изготовляют и у нас. Ею покрывают целые поля ценных овощных культур. Лошади или тракторы раскатывают по полям рулоны мульчи.

В мульче делают отверстия, в которые высевают семена или высаживают растения. Края мульчи укрепляют колышками и засыпают землей.

Замечательным способом повышения урожая — мульчированием — может воспользоваться каждый школьник. Если нет настоящей мульчи, можно взять лист плотной бумаги или картона, покрасить его масляной краской или олифой, сделать отверстия диаметром в два сантиметра. Расстояния между отверстиями для каждой культуры разные. Для свеклы, например, между рядами растения делают отверстия на расстоянии 20 сантиметров, между растениями — в 10 сантиметров; для моркови — в 20 и в 5 сантиметров; для редиса — в 10 и в 4 сантиметра; и т. д.

Если вы захотите проверить, насколько мульчирование повышает урожай, сделайте две одинаковых делянки. На одной посеете, скажем, свеклу без мульчи, на другой — с мульчей.

По мере роста, вы сразу заметите разницу в развитии опытных и контрольных растений. А взвесив осенью собранный урожай, убедитесь в пользе мульчирования.

Особую ценность будут иметь наблюдения, если все фазы развития опытного и контрольного растений будут записаны в дневнике: время появления всходов, развития листьев, появления сорняков и их количество, температура почвы делянок в разное время (днем и ночью).

Н. Вервильн

ЗАДАЧА БУКВ

Вставьте в нижеследующие названия городов СССР недостающие буквы (их место показано точками):

. о . о г . а
 . м . н
 Й . ш к . р - О . а
 . е . ч и . с .
 . р . а н . е л . . к

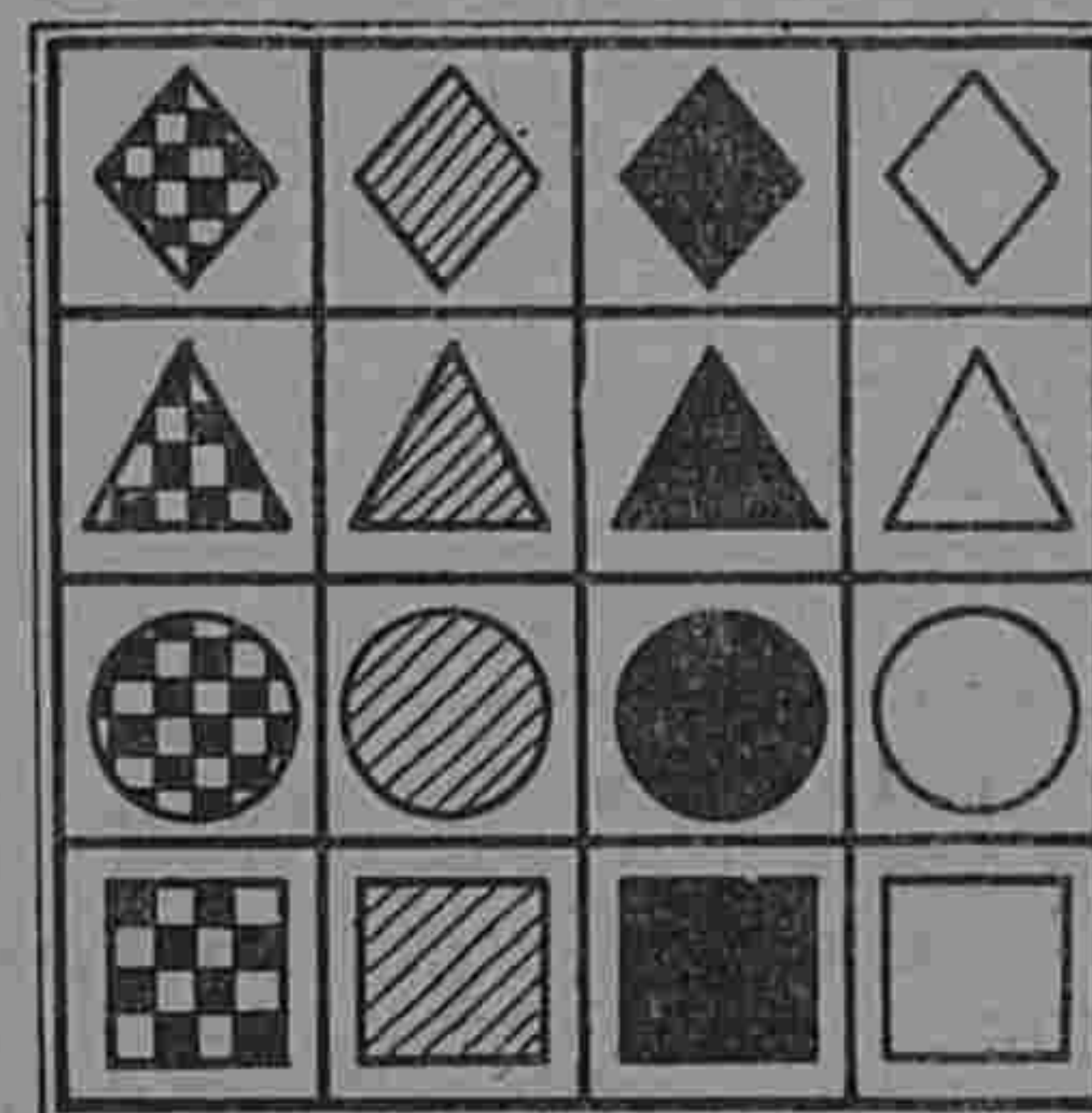
и вы из начальных букв этих названий, читая их подряд, получите то, во что вверг человечество бандит и авантюрист Гитлер. Что именно?

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ

Здесь изображены четыре разные геометрические фигуры в четырех разных расцветках.

Расположите их в квадратах таким образом, чтобы ни в одной строке ни по горизонтали, ни по вертикали, ни по диагонали не повторялись одни и те же расцветки.

Укажите, сколькими способами можно решить эту задачу?

АНДРЕЙ И МЕДВЕЖЬЕ СЕРДЦЕ

Всеволод Воеводин

Рис. В. Курдова

В лесах Ленинградской области водится много медведей. А где много медведей, — там много хороших охотников.

Лучшим стрелком и следопытом в своем районе считался Петр Афанасьевич Савосин. Он ходил на самых громадных стервятников*) один-на-один, бил их под левую лопатку на смерть и с первой пули.

И вот как странно иногда получается в жизни: при том, что сам Петр Афанасьевич был такой храбрый человек, сын его — Андрей — рос трусом. Да еще каким!

Стрелять Андрей все-таки умел. Нельзя жить в лесной местности и не иметь дела с ружьем. Но что касается зверья, то он охотился только на зайцев и то, если они забежали на огород. В лес он не любил ходить даже с заряженным ружьем.

И вдруг все пошло по-другому. Андрей... Но будем рассказывать по порядку, — так, как об этом удивительном случае до сих пор рассказывают в деревне Карпина Гора.

Дело в том, что к Савосину каждую зиму приезжали из Ленинграда любители медвежьей охоты. Петр Афанасьевич водил их на берлоги,

*) Стервятник — это старый, сильный медведь, который приучился давить скот и питаться мясом своих жертв. При случае стервятник не брезгует и человеком, так что охота на него — дело нешутливое.

учил, как бить зверя и как распознавать его следы на снегу.

Однажды, — рассказывают люди, — приехал странный человек. С лица он был похож на китайца, однако очень чисто говорил по-русски. Звали его тоже по-русски — товарищ Константинов.

— Дядя, вы из какого народа? — спросил Андрей, когда все сели ужинать.

— Я, — сказал гость, — якут. Мой народ живет в Сибири.

— А почему вы хорошо говорите по-русски?

— Потому что мой народ давно живет среди русских и потому, что я — профессор. Я говорю на восьми языках.

— Так если вы профессор, дядя, — сказал Андрей, — вы же, наверное, и стрелять-то не умеете? А медведь он...

Гость рассмеялся, а потом — рассказывают люди, — строго посмотрел на Андрея.

— Мальчик, — сказал он, — своего первого медведя я застрелил, когда мне было двенадцать лет...

Услышав это, Петр Афанасьевич Савосин только с упреком взглянул на сына. Дескать, — что с ним говорить, робок он у меня!

— Это чрезвычайно жаль, — вежливо сказал гость. — Хоть имя вашего сына Андрей, а не Федот, русская поговорка говорит про

таких: „Федот, да не тот“. Знаете что? Я постараюсь помочь вашему горю.

На другое утро гость и хозяин взяли ружья и ушли на лыжах в лес. А дед Евсеич — сосед Савосиных — погнался следом за ними розвальни.

Вечером охотники вернулись. Конь Евсеича дрожал и все косил глазом. Громадная медвежья туша лежала на розвальнях, и конь чуял звериный запах.

Тут же во дворе Савосин содрал шкуру с убитого зверя и освежевал его, то-есть выпотрошил и разрубил на части топором. При этом он все приговаривал: „Хорош зверюга, жирен! Ну сейчас поедим!“ А Татьяна Гавриловна, его жена, ворчала:

— Ну тебя! Все люди, как люди питаются, а мы двадцать лет одну медвежатину да зайчатину только и употребляем. Вон Евсеич заколол своего теленка, завтра везет продавать на базар. Купить бы у него телячьей печенки да изжарить...

Но Савосин велел ей поставить в печь медвежий окорок тушиться и не приставать к нему с такой ерундой, как телячья печенка. А гостю он поднес на тарелке кусок сырого мяса.

— Замечательный выстрел, товарищ профессор, — сказал он. — В самое сердце. Вон она ваша пуля где сидит.

И он кинжалом выколол из медвежьего сердца сплюснутую разрывную пулю „Жакан“. А сердце хотел бросить кошке, которая уже терлась об его валенки, урча и выгибая спину. Но в это время, — рассказывают люди — профессор схватил его за руку.

— Нет, нет, Петр Афанасьевич! — крикнул он. — Кошку мы покормим чем-нибудь другим. Вы ведь вчера жаловались, что сын ваш не обладает вашей храбростью? Так вот: есть на Севере старый обычай. Когда убивают медведя, то самый младший из мужчин должен съесть его сердце. И непременно сырым. Тогда храбрость убитого зверя переходит к нему, и он вырастает настоящим охотником и настоящим мужчиной.

— Стану я жевать такую пакость, — с негодованием сказал Андрей, вставая из-за стола. — И в рот не возьму.

Гость и хозяин посмеялись над ним и вместе с Евсеичем стали закусывать. Уговор между ними был такой: засветло профессор опять идет с Петром Афанасьевичем в лес, а к ночи Евсеич отвезет его на станцию.

Но вот наступил следующий вечер, село солнце, смерклось, а охотники все не возвращались из лесу. В девять часов Евсеич подкатил на розвальнях к воротам, — охотников еще не было. Стрелки на ходиках показывали полночь, — они все не шли.

— Не вернулись? Нет их еще? — несколько раз среди ночи спрашивал Андрей. И всякий

раз, поднимая голову с подушки, он видел мать, сидевшую за столом возле лампы. Татьяна Гавриловна никогда не гасила лампу по ночам, если муж уходил на охоту. Хорошо, возвращаясь ночью домой, еще издали увидеть огонек в своем окне и знать, что там тебя ждут...

Но в шестом часу утра в лампе выгорел весь керосин, а Савосина и его гостя все не было.

Больше Андрей не мог спать. Так еще не случилось на его памяти, чтобы отец сказал „вернусь тогда-то“ и пропал на ночь в лесу.

— Мать, — сказал он, — не знаешь, куда они пошли?

— Словно бы в сторону Большого Мох. А что?

— Просто так, — сказал Андрей. А сам даже вздрогнул.

На островке посреди торфяного болота под названием Большой Мох под корневищем вывороченной бурей сосны залег с осени самый свирепый стервятник во всем их районе.

— Ох! — вскрикнула мать. — Теперь и я вспомнила! Это тот самый медведь, который в Петров день задрал корову у счетовода! Говорят, что он коням ломает хребты на скаку...

— Нет, это другой, — сказал Андрей, зевая. — Тот с осени ушел на реку Оять; его там видели.

Мать словно бы успокоилась, а он, не зная, что ему делать, оделся и вышел на двор. Ночь была безлунная, черная. Еловый лес вплотную подходил к деревне, в темноте казалось, что лес подкрался к ней за ночь еще ближе.

Даже звезды над лесом и те мерцали неспроста. Они точно заглядывали сверху вниз в самую его чащу и видели там такое, что жмурились и в страхе жались друг к другу поближе.

Андрей убежал в избу. Тут светит лампа, тут — кот, и так хорошо тянет от печи запахом кислого теста. Но и в избе он не мог высидеть. Мысли про отца, одна хуже другой, все лезли ему в голову. И вот, — рассказывают люди, — когда до рассвета оставалось часа полтора, он решился.

На цыпочках, чтобы не разбудить задремавшую мать, Андрей вышел в темные сени. Он отпер чулан, где стояла на полке еда. Наощупь он отыскал что-то скользкое, сырое, и вздрогнул от отвращения.

Слезы выступили у него на глазах, когда он откусил кусок медвежьего сердца, которое со вчерашнего вечера лежало на тарелке. Один, впотьмах, на холоде, он съел его целиком и даже самого маленького кусочка не оставил недоеденным.

А потом он снял с гвоздя ружье и, зарядив его разрывными пулями, перепоясался запасным отцовским ремнем с патронташем и кинжалом,

съел ложек пять моченой брусники, чтобы отбить противный вкус во рту, и вышел на улицу.

Ну, конечно, он решил разыскать отца. А медвежье сердце съел для того, чтобы ему не было так страшно идти в лес ночью. Он запомнил, что вчера говорил профессор.

Но ничуть у него не прибавилось храбрости, — наоборот, мурашки так и побежали по спине при виде елок, протянувших к нему свои лисьими хвостами выгнутые ветки.

И у каждого дерева, и у каждого куста, на который днем и вниманья бы не обратил, теперь точно отросли руки, ноги. Все деревья были глазастые, носатые, страшно разевали дупла и так и норовили облапить своими длинными, скрюченными, мохнатыми ручищами.

Словом, Андрей уже подумывал: „Не убежать ли ему домой? Может, отец как раз в это время шагает себе на огонек, и тогда с какой стати ему здесь так мучиться?“ Но тут же он обругал себя за эти мысли, прибавил шагу и сам удивился собственной твердости. „Да ну жели, — подумал он, — это во мне начинает действовать медвежье сердце?“

И только он это подумал, — рассказывают люди, — его собственное сердце стало колотиться спокойней, все спокойней, и лес вокруг перестал ему чудиться таким уже страшным.

Но это все догадки, а в точности известно вот что:

Савосин со своим гостем в самом деле отправился на Большой Мох проведать огромного медведя, которого выследил с осени. Но погода была мягкая, — к оттепели, и зверь, как говорят охотники, лежал „на слуху“, то-есть, он чутко прислушивался сквозь сон к малейшему шороху близ его лежки. И хоть осторожный Савосин еще шагов за пятьдесят до медведя велел взвести курки, однако зверь услышал шелканье курков, проснулся и вскочил. Только они его и видели — рыжую тушу, скачущую с быстротой коня и, словно танк, разбрасывающую снег своей широченной грудью.

Тогда Савосин швырнул рукавицы в снег и заявил, что неделю будет ходить, а достанет пульей проклятое животное. И профессор тоже швырнул свои рукавицы и заявил, что он не только профессор, но и охотник и якут. И он не прочтет больше ни одной лекции, пока не ухлопает этого чорта. Тут они подтянули на лыжах ремни и ринулись по медвежьему следу.

В этот день их видели около деревни Перечицы, Бежаницы, Старые Свинари, Новые Свинари, Городок, Небылицы, Заозерье, Замошье и Затуленье. Пока не село солнце, они пробежали сорок семь километров и в сумерках еще семь. Медведь петлял. Он сворачивал, залегая в кустах, и смотрел, как охотники проносились мимо него на лыжах. А когда они

тоже сворачивали по его следу и подходили на выстрел, зверь бежал дальше.

Наступила ночь, и они остановились — все трое: медведь, Петр Афанасьевич и профессор. Всю ночь они провели шагах в ста друг от друга, прислушиваясь к молчанию леса. Не уходит ли зверь? Не крадутся ли люди с ружьями? И чуть рассвело, — снова началась погоня.

Теперь зверь вел их на прежнее место, на тот самый островок, откуда они его согнали. И как только он взбежал на островок, усталый, озлобленный, с плотно прижатыми к голове ушами, он сразу же сделал петлю и залег в ельнике возле своего следа.

Вот тут все и произошло. То самое, чему до сих пор поражаются в Карпиной Горе друзья и соседи Савосиных.

Петр Афанасьевич и профессор бежали по следу, держа ружья наготове. Но прицелиться как следует им не удалось, медведь наскочил на них сзади. Ему надоела эта игра в пятнашки, и это был злой и умный зверь, он знал как вернее нападать.

Два выстрела грянули одновременно, им ответил свирепый рев. А затем профессор кинулся ничком в снег, и рыжая громадина подмяла его под себя. Петр Афанасьевич хотел было выстрелить второй раз, однако ружье вылетело у него из рук с такой силой, что даже хрустнули суставы на пальцах. Лапицей, размером с лопату, зверь выбил у него ружье. Зверь вздыбился перед ним выше елей, он заслонил своей тушей лес, небо, ослепительное сверкание снегов. Шерсть на его брюхе колыхалась, как пламя. Он загребал своими лапами так, точно вместе с Савосиным хотел прихватить в охапку все деревья вокруг. Жар его дыхания обжег охотнику лицо.

И вдруг зверь опустил лапы на брюхо, точно внезапно о чем-то взгрустнул, и медленно, медленно лег на бок.

Петр Афанасьевич разглядел не все сразу. Перво-наперво он увидел зверя, лежавшего на боку, и увидел, что маленькие свинячьи ушки, прижатые к черепу, не спеша, распрямляются. Это означало, что зверь умер. Потом он увидел себя самого: одна рука ухватилась за дерево, а другая держит лезвием кверху кинжал. И увидел профессора, который кряхтя и держась за ногу, выкарабкивался из-под медвежьей туши, и...

Но тут, — рассказывают люди, — Савосин глазам своим не поверил.

Под елкой стоял Андрей. Как он выстрелил в медведя шагов с двадцати, так все еще держал на вскидку ружье, все целился в медвежью голову. А стволы у него так и ходили ходунком, так и прыгали вверх-вниз чем больше он целился.

— Это, — сказал профессор, рассматривая мертвую звериную морду, — случайный выстрел. Нарочно так сделать нельзя. Мальчик попал ему прямо в глаз и ни на полсантиметра в сторону. Один поэт говорил, что так можно попасть только со страху. Не спорю. Но лучше попасть хоть так, чем бросить со страху ружье, как, например, сделал я. По-моему ваш сын...

Тут он ни с того, ни с сего забормотал что-то по-якутски и вдруг, подскочив к Андрею, расцеловал его в обе щеки.

— Я, конечно, не понимаю, — сказал Петр Афанасьевич, когда они часа через два усаживались за стол обедать, — но по-моему с парнем что-то произошло. Он что-то чересчур расхрабрился. А? Андрей?

— Видишь-ли, я... — пробормотал Андрей и не успел досказать „съел медвежье сердце“. Мать выскочила из сеней, она была сердитая и веником стегала кошку, которая сначала забилась от нее под скамью, а потом перемахнула на шкаф с посудой.

— Гадина! — кричала мать. — Вот какая гадина! Телячью печенку с ночи отнесла в чулан, и ведь залезла, полосатый чорт, подчистую слизала с тарелки! Ух, ты!

— В чулане? — спросил Андрей. — А... сердце?

— Вот то-то и есть! — крикнула мать. — Я же ей до этого целое медвежье сердце скормила, и косточек дала... Ух, ты, ворюга!

Она опять замахнулась веником на кошку.

— Мне кажется, — сказал профессор, поглядывая на изменившегося в лице Андрея, — что славное животное тут не при чем. Мне кажется, что по ошибке телячью печенку съел

кто-то другой. И мне кажется, — продолжал он, повысив голос и положив руку Андрею на плечо, — что этот другой теперь понял: про старый обычай я ведь в шутку рассказал. Не нужно человеку звериного сердца для того, чтобы стать храбрым. Нужно только захотеть. Верно, Андрей?

Вот что рассказывают люди про случай с Андреем Савосиным. А я вспомнил этот случай вот почему:

Немцы были в тех лесных районах недолго, недели две, пока их не прогнали. Среди местных партизан действовал и Петр Афанасьевич и не один, а со своим сыном. И был его сын лучший разведчик в отряде: смелый, сообразительный.

Только один раз видели партизаны, как их разведчик побледнел с перепугу. Произошло это, когда прогнали немцев, и генерал, с которым познакомили Андрея, долго тряс его руку, а потом сказал:

— С собой ты невелик, а ловок, как заяц, и силен, как медведь. С чего бы это? А?

Рядом с генералом стоял подполковник — начальник политотдела и он же профессор — якут, товарищ Константинов. „А ну, — подумал Андрей, — возьмет сейчас профессор да и брякнет: „Разрешите доложить, товарищ генерал-майор, это оттого, что он съел телячью печенку!“

В первый раз с той самой ночи в лесу у него мурашки побежали по спине. Но подполковник ни слова не сказал про печенку. Он только подмигнул Андрею, но так, что никто этого не заметил.

У М Ы С А Г А Н Г У Т

27 июля 1714 года между скалистыми островками, поднимающимися из серо-зеленых вод Финского залива, там, где он соединяется с открытой Балтикой, неподалеку от длинного низкого мыса Гангут, произошло событие, которое показалось всему миру чудом.

Здесь шведский флот (в нем находилось более пятидесяти крупных парусных кораблей) преградил путь эскадре русских галер. Но русские суда прорвались меж неприятельских кораблей и напали на эскадру противника. Три часа длилось морское сражение, и победа досталась русским морякам. Они взяли в плен неприятельскую эскадру, а ее командир стал пленником наших моряков. После боя шведский флот покинул наши воды.

Это была первая русская битва на море, первая морская победа. До этого шведский флот считался одним из лучших. До этого многие иностранцы утверждали, что у России вообще нет флота. В этот день русский флот вышел впервые на историческую сцену, чтобы не сходить с нее никогда.

Этот русский галерный флот вел в бой удивительный командующий — молодой офицер. Он сам участвовал в абордаже неприятельских судов и всюду, в самой гуще схватки видели высокую фигуру, которой самые рослые моряки были по плечо. Лицо его было закопчено пороховым дымом, руки в крови. То был бомбардир Петр Михайлов, он же русский царь Петр Алексеевич.

В этом бою Петр Первый показал себя талантливым флотоводцем. Сенат за Гангутский бой дал ему звание адмирала.

В память о первой победе русских моряков — Гангуте — многие русские корабли на Балтике носили имя этой славной битвы.

На обложке этого номера нарисован один из моментов этой битвы: русские галеры подошли вплотную к неприятельским кораблям, и моряки дерутся в рукопашной схватке.

Л. Успенский

З а б о т а и д р у ж б а

Работать в подшефном госпитале девочки из 105-й школы начали больше года тому назад. Но по началу часто получалось так: в иной день придут в госпиталь человек двадцать, — целая стайка, на другой никто не придет.

Тогда ученица старшего класса Нина Хрущева взялась быть „регулирующей“ этого хорошего, благородного порыва.

Посоветовавшись с директором школы, она составила расписание посещений госпиталя для каждого класса. Теперь каждая ученица 105-й школы знает, когда она дежурит и что должна делать во время дежурства. Каждый класс следит, чтобы после занятий в госпиталь шли две ученицы.

В госпитале девочки читают вслух газеты, книги, пишут письма тем, кто сам писать не может, помогают санитаркам покормить и напоить тяжело раненых, а иногда, даже убирают палаты и моют полы.

Очень часто девочки по просьбе раненых разыскивают в городе их родных, передают им письма. Когда Ленинград был городом-фронтом и немцы обстреливали его, это было совсем не просто.

Но самую большую помощь школьницы из 105-й школы оказывают госпиталю тем, что изо дня в день чинят и штопают белье для раненых. В этой работе принимают участие девочки, начиная с пятого класса. За два месяца они починили более тысячи разных вещей!

Концертной работой „заведует“ Тося Уткина. Она составляет программу, подбирает исполнительниц. Если маленькие артистки выступают в палате, Тося так распределяет все номера программы, чтобы можно было обойтись без рояля. Ведь в палате рояля нет! А вот если готовится концерт для клубного зала, тогда другое дело!

Случается, что за один вечер маленькие исполнительницы выступят раз, другой, третий и, наконец, устанут. Но раненые просят повторить еще раз и еще. Как же отказаться? Ведь для раненых это такая радость!

Зато директор школы получила письмо от заместителя начальника госпиталя, где написано вот что:

„С каждым приходом наших маленьких друзей — учеников Вашей школы — поднимается настроение и боевой дух наших воинов“.

В школе хранится уже толстая пачка писем от раненых бойцов с благодарностью своим шефам.

Часто у школьниц завязывается со своими подшефными дружба, которая продолжается и тогда, когда поправившийся раненый

возвращается в часть. Третье-классницы, например, подружались с лейтенантом-танкистом. Перед отъездом в часть он приходил к ним в класс, рассказывал о своей боевой работе и взял с девочек обещание хорошо учиться. „Это, — сказал он, — неременное условие нашей дружбы. Если вы не выполните его, дружбе придет конец“.

Лишиться такой дружбы никто не захотел, и девочки стараются учиться хорошо.

В 105-й школе есть не только свои подшефные, но есть и шефы. Шефы школы — разведчики-гвардейцы.

Прошлым летом девочки работали на полевых работах за городом, а шефы стояли неподалеку на отдыхе. Вот здесь и завязалась дружба. Осенью, когда в школе начались занятия, гвардейцы не раз приезжали в гости к школьницам.

В январе началось наступление на Ленинградском фронте и друзья-гвардейцы уходили все дальше и дальше от Ленинграда. В школу начали приходить письма; иногда радостные, иногда печальные, извещавшие об утрате друзей.

Когда девочки узнают, что кто-нибудь один из шефов попал в ленинградский госпиталь, они спешно его отыскивают и окружают заботой и вниманием.

Среди разведчиков-гвардейцев была сандружинница Зоя Павлова. Это был чуткий, отзывчивый человек, заботливая медицинская сестра.

Ученицы 105-й школы очень подружались с ней. Зоя Павлова стала их большим, настоящим другом.

26 февраля в школе должен был состояться большой вечер. Ждали гостей: командование госпиталя, раненые.

Нина Хрущева уже собралась выйти из дома, когда она получила письмо с фронта. В нем говорилось о смерти Зои Павловой. Их друг погибла, сраженная вражеской пулей.

Чтобы не омрачать праздника, Нина рассказала об этой тяжелой утрате всем остальным только поздно вечером.

На другой день девочки собрались на линейку. И здесь вся школа торжественным молчанием почтила память своего друга — Зои Павловой, отдавшей жизнь за Родину...

Сто одиннадцати девочкам 105-й школы вручены медали „За оборону Ленинграда“. Это заслуженная награда за ту помощь, которую оказывают школьницы защитникам своей Родины.

Ф. Копылов

ОТКРЫТИЕ СТУДЕНТА МОРТОНА

*

В один из дней 1846 года в хирургической клинике Бостонского университета, в Америке, разнеслась странная новость: студент-медик Мортон открыл необыкновенное средство, от которого люди впадают в глубокий сон. Уснувший человек ничего не чувствует, даже если ему производят операцию. Что это за средство, как его применяют — никто толком не знал.

Мортон учился в Бостонском университете и вместе с тем был зубным врачом. Говорили, что у себя дома он испытывает действие разных химических веществ на самом себе. Иногда он приходил в университет бледный, полубольной, пропитанный запахом лекарств. Видели, как на днях Мортон зашел в кабинет к профессору Варрену и о чем-то долго говорил с ним...

Наконец, стало известно, что завтра новое средство будет испробовано. Студенты заглядывали в палату к больному, которого перед этим долго осматривал профессор вместе с Мортонем. Больной как больной, — с большой опухолью на шее.

На следующий день, рано утром, операционная была полна. Плотной толпой окружали студенты еще пустой операционный стол; собирались врачи.

Мортон вошел вместе с профессором. Потом привели больного и уложили его на стол. Мортон закрыл лицо больного сложенным полотенцем, вынул из кармана склянку и стал поливать из нее на полотенце какую-то жидкость. В воздухе разнесся острый, незнакомый запах.

Больной забормотал что-то непонятное, беспокойно задвигался, стал вырываться; его придерживали. Мортон еще подлил жидкости. Больной затих, все его тело как-то обмякло, ослабло и он начал дышать спокойно, как глубоко спящий.

Мортон обратился к профессору со странными словами: „Ваш больной сейчас так далеко“... Прижал плотнее к лицу больного полотенце и подлил из склянки побольше жидкости.

Профессор взял нож и решительно провел разрез у края опухоли. Больной не шевельнулся, не вскрикнул; он дышал так же ровно и спокойно. Быстрыми движениями ножа профессор стал вылущивать опухоль. Больной лежал спокойно. Через несколько минут операция была закончена. Мортон снял полотенце. На шею оперированному наложили повязку. Прошло немного времени и больной открыл глаза, задвигался, стал кашлять. Потом заговорил; он не поверил, что операция уже кончена.

Профессор Варрен помолчал, подумал. Потом обратился к присутствующим: „Джентльмены, это — не обман! То, что мы сейчас видели, скоро разнесется по всему миру“...

Действительно, это было мировое открытие.

Оно далось Мортону не сразу. Работая как зубной врач, он изобрел особую пластинку с искусственными зубами. Но укреплять эту пластинку во рту было очень болезненно. Желающих терпеть сильную боль не находилось. Пропадало очень хорошее изобретение.

Тогда Мортон стал искать средство, которое устранило бы боль хотя бы на короткое время. И рискуя отравиться, он безуспешно испытывал на себе само одно вещество за другим.

Знакомый аптекарь как-то сообщил Мортону, что от зубной боли иногда помогает вдыхание эфира. Мортон попробовал эфир на собаках. Надыхавшиеся эфиром собаки лежали неподвижно, но при первых же попытках вырвать у них зуб, они сразу приходили в себя. Кусались так, будто и не нюхали эфира.

„Эфир попался плохой“, — решил Мортон. И, получив, наконец, банку с химически чистым эфиром, испробовал его действие на себе.

Однажды квартирная хозяйка, войдя в комнату Мортоня, нашла его распростертым на полу. Голова жильца была плотно обвязана платком, а сам он казался мертвым. Сорвав платок, перепуганная хозяйка стала тормозить Мортоня, поливала его водой. Жилец не приходил в себя. Хозяйка побежала за помощью. Вернувшись вместе с соседками, она застала Мортоня уже сидящим. Он упирался руками в пол и тупым взглядом смотрел на встревоженных женщин. Наконец, он, шатаясь, встал. Успокоенные соседки разошлись.

В тот же день Мортон удалил зуб одному своему пациенту, усыпив его эфиром. Пациент на короткое время заснул, а очнувшись, очень удивился, что нестерпимо болевший зуб уже вырван.

Оказывается, неудачи с усыплением собак происходили потому, что Мортон слишком рано отнимал платок с эфиром от морды животных; полного наркоза не наступало. Когда же он плотно обвязал себе лицо платком и потом сразу вылил на платок всю банку эфира, то потерял сознание. Но и в бессознательном состоянии он продолжал вдыхать пары эфира и тем самым довел себя до полного наркоза.

Это был рискованный опыт. Если бы не подросла квартирная хозяйка, Мортон мог бы погибнуть.

Годом позже в Англии Симпсон открыл усыпляющее свойство хлороформа. Подобно Мортону, он испытывал почти наугад различные вещества, пока не натолкнулся на хлороформ.

Мортон был первым человеком, который применил наркоз для операции. Но не ему первому пришла в голову мысль о применении обезболивающих веществ. Еще в средние века было изобретено много напитков, вызывавших будто бы полную нечувствительность к боли. Эти напитки стоили дорого. Состав их хранился в секрете.

Нехитрые старинные секреты давно известны. Это настои и отвары разных ядовитых растений: дурмана, белены, мандрагоры и некоторых сортов мака, содержащих опиум. Выпив такое снадобье, больной впадал в бессознательное состояние, но не надолго.

От сильной боли больной приходил в себя, начинал кричать и метаться. Если же отвара давали слишком много, больной умирал от отравления.

Чего только не предпринимали старинные врачи, чтобы избавить больного от боли при операции!

Всего сто лет тому назад хирурги поступали так. Они давали больному перед операцией чарку вина „для храбрости“ и советовали думать о чем-нибудь приятном. Потом больного привязывали к столу, и начиналась операция...

Если нельзя избавить больного от мучений во время операции, то оставалось одно: сократить время операции.

К началу XIX века операции превратились в состязания на скорость. Появились хирурги — чемпионы скорости, устанавливавшие рекорды. К таким рекордсменам съезжались врачи смотреть на это хирургическое жонглирование и учиться ему.

Действительно, быстрота хирургической работы рекордсменов была необычайна. Например, вычленение руки в плечевом суставе производилось в три минуты.

Но при погоне за скоростью некогда было выяснять все особенности заболевания и учесть их в ходе операции. Результаты часто получались плохие. Быстрота операции не была выходом.

Как устранить боль — никто не знал. Лет сто назад по этому вопросу в торжественном заседании французской Академии Наук выступил с докладом парижский профессор Вельпо. Это был хирург с мировым именем. Его знали во всех странах. Он был настолько знаменит, что однажды почта доставила ему письмо, посланное из Китая по такому адресу: „Европа. Вельпо“.

Этот знаменитый хирург, подводя итог всем изысканиям и попыткам обезболивания, закончил свой доклад так: „Нож хирурга и боль неотделимы друг от друга! Сделать операции безболезненными — это мечта, которая не осуществится никогда!“

Теперь хирурги производят много операций, усыпляя больных эфиром или хлороформом.

Но есть люди, например пожилые или с больным сердцем, которые переносят наркоз очень плохо. Как быть в таких случаях? Нельзя ли, не усыпляя человека, сделать нечувствительной к боли только ту часть тела, на которой производится операция?

Это оказалось возможным сделать с помощью кокаина.

Перед операцией раствор кокаина впрыскивают тонкой иглой в кожу или мышцу, и она теряет на время всякую чувствительность. Такое обезболивание называют местным. Оно наступает потому, что впрыснутый раствор кокаина пропитывает нервные волокна и нарушает на время их проводимость. Прежде кокаин добывали из листьев южно-американского растения — кока. Но такой кокаин вреден — он ядовит. Поэтому вместо кокаина теперь употребляют разные вещества, которые обладают обезболивающим действием кокаина, но, в отличие от него, — безвредны.

Чувствительные нервы своими тончайшими волокнами пронизывают все тело. Эти тонкие нервные волокна собираются в отдельные нервные веточки потолще, которые, в свою очередь, соединяясь вместе, образуют нервные стволы. Стволы проходят через отверстия между позвонками и вступают в спинной мозг, расположенный в канале внутри позвоночного столба. В нижней части канала спинного мозга нет; он оканчивается выше. В этом месте в канале проходят только нервные стволы обеих ног и таза.

Врачи теперь знают, что если в нижнюю, поясничную часть позвоночного канала впрыснуть раствор кокаина, то вся нижняя половина тела станет совершенно нечувствительной. Можно безболезненно производить операции на ногах и в полости живота.

Способ спинномозгового обезболивания разработан до мельчайших подробностей. Впрыскивая кокаин и другие вещества в разные места позвоночного столба, можно добиться потери чувствительности почти всего тела.

Способы обезболивания продолжают совершенствоваться. Сообща работают врачи, химики и физиологи. Химическим путем удалось создать прямо-таки волшебные вещества: через одну-две минуты после впрыскивания такого вещества в кровь человек засыпает, не успев закончить начатого слова. Он спокойно и глубоко спит два — три часа, не испытывая никакой боли и просыпается со свежей и ясной головой.

В самое последнее время физики опубликовали очень интересные наблюдения. Оказывается, возможен наркоз посредством электричества, пропускаемая через голову особые токи. Но эти опыты производятся пока только на животных.

Как странно звучит сейчас утверждение знаменитого хирурга Вельпо, что нож хирурга и боль неотделимы друг от друга. Безболезненные операции — теперь не мечта. Это — действительность!

СВЕТЛЕЕ, ЧЕМ ДНЕМ

Английские и американские бомбардировщики, совершая налеты на промышленные центры фашистской Германии, одновременно с бомбометанием производят фотосъемку для того, чтобы точно установить, куда именно попали бомбы и какие разрушения они произвели.

Ночью во время фотосъемки самолеты сбрасывают так называемые осветительные бомбы. Эти бомбы заливают все вокруг светом более ярким, чем дневной свет. В момент своей наивысшей яркости такая бомба дает силу света до ста семи-

десяти миллионов свечей! Это в одиннадцать раз больше, чем излучение света со ста квадратных сантиметров поверхности солнца. (Один квадратный сантиметр поверхности солнца излучает свет в сто тридцать пять тысяч свечей!)

Наблюдать свет такой осветительной бомбы можно было бы даже невооруженным глазом на расстоянии около шестидесяти тысяч километров от поверхности земли, а с Луны, если бы туда можно было попасть, — в бинокль с семикратным увеличением.

Существуют особые суда, как бы пловучие аэродромы. Их называют авианосцами.

Авианосец — огромный корабль; длина его металлической палубы достигает двухсот сорока метров, ширина — до двадцати восьми с половиной метров.

На авианосце умещается до шестидесяти самолетов. На этом пловучем аэродроме имеются: ангары, разные мастерские, хранилища для большого запаса горючего и даже госпиталь, то есть все, что полагается иметь и обыкновенному аэродрому. Обслуживает такой корабль солидная команда — более полутора тысяч человек.

Авианосцы сопровождают караваны военных или торговых судов, которые направляются из разных стран с войсками и снаряжением.

Пока караван судов плывет вблизи своего побережья или побережья дружественной страны, его защищают патрульные самолеты береговых баз; но в открытом море караван судов может рассчитывать только на самолеты своих авианосцев.

Немецкие подводные лодки могут внезапно появиться среди безбрежного простора океана на пути следования английских или американских кораблей. На морском пути могут неожиданно налететь фашистские самолеты или незаметно подкрасться надводные рейдеры.

Но самолеты, сопровождающие караваны, выслеживают врага, обнаруживают его, нападают на него — бомбят и торпедируют и тем самым защищают и спасают свои собственные корабли.

На английском авианосце „Аркроял“ находятся торпедоносцы-разведчики „Свордфиш“. Каждый самолет несет одну восемнадцатидюймовую торпеду или около семисот килограммов бомб.

Иногда самолеты авианосца получают приказ атаковать такие порты и наземные объекты врага,

Пловучий аэродром

до которых не могут долететь самолеты с аэродромов, расположенных на земле. Но чаще всего самолеты авианосца вылетают далеко в разведку и, обнаружив неприятеля, стараются

нанести ему такой удар, после которого враг не может оправиться. Затем разведчик спешит укрыться от неприятельского огня и выжидает, когда на подмогу прилетят свои самолеты. Тогда они сообща расправляются с врагом.

Однажды два английских военных корабля напали на германский линкор „Бисмарк“ — один из самых больших военных кораблей мира, — и стали преследовать его. Но вскоре немцы потопили один британский корабль. „Бисмарк“, воспользовавшись темнотой, ускользнул от своего преследователя. Ночью на море разыгрался сильный шторм, который мешал разыскать врага. Рано утром, на рассвете авианосец „Аркроял“ выпустил в воздух на разведку десять самолетов „Свордфиш“. Дул сильный ветер. Через палубу, которая обычно находится на восемнадцать метров выше уровня воды, теперь перекачивались огромные зеленые волны. Забрызганные водой поднимались один за другим пилоты на своих самолетах, чтобы разыскать линкор. Было уже десять часов утра, когда воздушному разведчику удалось найти „Бисмарк“, затерявшийся среди океанских валов.

Разведчик вызвал подмогу — английские корабли и самолеты. Атаку решили начать налетом эскадрильи „Свордфиш“. Шторм был в разгаре. Бушующий океан, дождь, низкие облака — все это мешало нанести самолетам точный удар сообща. Но сброшенные с самолетов торпеды попали в фашистский линкор и серьезно повредили его машинное отделение. Вскоре его настигли британские корабли и потопили.

Так самолеты авианосца помогли уничтожить один из самых крупных фашистских кораблей.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Наш комсомольский билет. Стих. С. Михалюка. Рис. Т. Цинберг	1	Задача букв	16
XII пленум ЦК ВЛКСМ. Рис. Ю. Мезерницкого	2	Занимательное перемещение	16
История одного костра. Е. Боронина. Рис. В. Вомаиш Мастера. Стихи З. Александровой	4	Андрей и медвежье сердце. Рассказ В. Восводина. Рис. В. Курдова	17
У классной доски. Рассказ Л. Кассиля. Рис. Н. Петровой	5	У мыса Гангут	20
Дружные ребята. Стихи А. Бузицовой	6	Забота и дружба. Н. Владимировская	21
Расскажите на пионерском собрании	6	Открытие студента Мортонса. Ф. Копылов	22
О героях-спортсменах	10	Светлее чем днем	23
Белгородский кисель. В. Феоклистенко	11	Пловучий аэродром	24
Гремячая башня. Повесть Е. Катерли (продолжение). Рис. Н. Петровой	12	Адмирал Нахимов. Л. Гинзбург. Рис. В. Вомаиш. 2-я стр. обложки	
Будь разведчиком на огороде	15	Выстрел на луне и на дне океана. Рис. Ю. Мезерницкого. 3-я стр. обложки	
Гряды под бумагою. Н. Верзилин	16	Русские боевые корабли. Рис. Ю. Мезерницкого. 4-я стр. обложки	

№ 5895

На обложке рисунок Ю. Мезерницкого „Битва при Гангуте“

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 31, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ
Непринятые рукописи не возвращаются

Редколлегия: Ф. Онтябрьская, Н. Тереминская, Л. Успенский, Н. Штейнварг и Г. Яблонская (отв. редактор).

Подписано к печати 9/VI 1944 г. 3 печ. л. В печ. лист. 25 000 тип. зн. Заказ 839. М 002298, Авт. л. 2,25 Тираж 10000 экз.
Типография № 9 Управления издательств и Полиграфии при Ленгорисполкоме

ВЫСТРЕЛ

на Луне

и

на дне моря

Если бы удалось выстрелить из нашей боевой винтовки образца 1891 — 1930 годов в безвоздушном пространстве, пуля пролетела бы семьдесят семь километров. А в обычных условиях наша винтовка бьет самое большее на расстояние в три с половиной километра.

Вот как велика сила сопротивления воздуха! Она в двадцать два раза сокращает дальность полета пули.

Но не одна сила сопротивления воздуха изменяет полет пули.

Выпущенная из винтовки пуля, достигнув в своем полете некоторой наивысшей точки, начинает снижаться, приближаться к земле и падает.

Это — результат воздействия на летящую пулю силы тяжести, то-есть силы притяжения Земли.

Известно, что сила тяжести на Луне в шесть раз меньше, чем на Земле, а воздуха там нет вовсе.

Предположим, что стрелок со своей винтовкой чудесным образом очутился вдруг на Луне и начал стрелять. Пришлось бы долго отыскивать место, куда упали его пули: ведь на Луне пуля пролетела бы четы-

реста шестьдесят два километра (умножьте семьдесят семь километров на шесть).

На Луне самый меткий „земной“ стрелок не поразил бы своей цели. Тут уж пришлось бы посылать пули наугад. Никакие оптические приборы тут не помогли бы.

Что произошло бы со стрелком, если бы он, по примеру капитана Немо, опустился на дно океана?

Представьте себе, что человека надежно защищает скафандр, который на глубине моря в десять километров выдерживает огромное давление воды в тысячу атмосфер.

Стрелок прицеливается, спускает курок. Но... выстрела нет.

Почему винтовка не стреляет?

Оказывается, сила давления пороховых газов внутри ствола винтовки в четыреста пятьдесят атмосфер не может преодолеть силы давления воды в тысячу атмосфер. Вода как бы закупорила пулю в стволе винтовки.

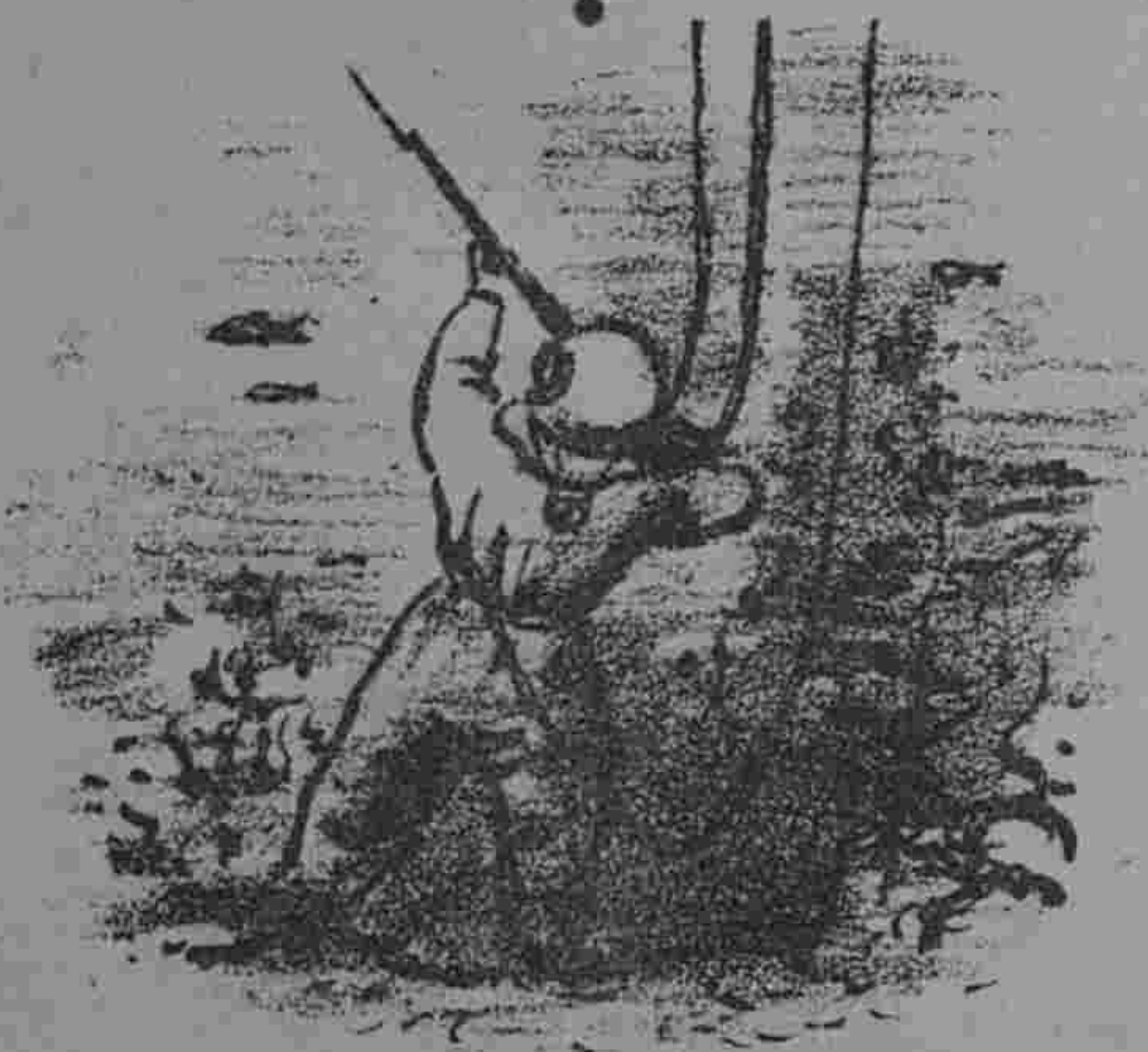
Стрелок поднялся выше. Он достиг глубины в четыре с половиной километра. Здесь давление воды как раз такое, как и в стволе винтовки. Произойдет здесь выстрел? Нет. На этот раз виновата низкая температура морской воды в один — два градуса.

В момент выстрела пороховые газы разогреваются до трех тысяч градусов. А в холодной воде газ сжимается. Сжатый газ уже давит с силой всего в сорок пять атмосфер...

Наша винтовка выстрелит только тогда, когда мы достигнем глубины моря всего в четыреста метров.

Но и это будет не настоящий, а „замороженный“ выстрел: пуля не получит необходимой скорости полета, она упадет у ног стрелка.

Из нашей винтовки нельзя стрелять ни на Луне, ни на дне моря. Наша винтовка — „земная“ винтовка. Ее творцы создали ее для стрельбы в условиях поверхности Земли. И здесь в умелых руках стрелка винтовка метко и сильно поражает цель.

Цена 4 руб.

13-5053H

2-8/1944-4

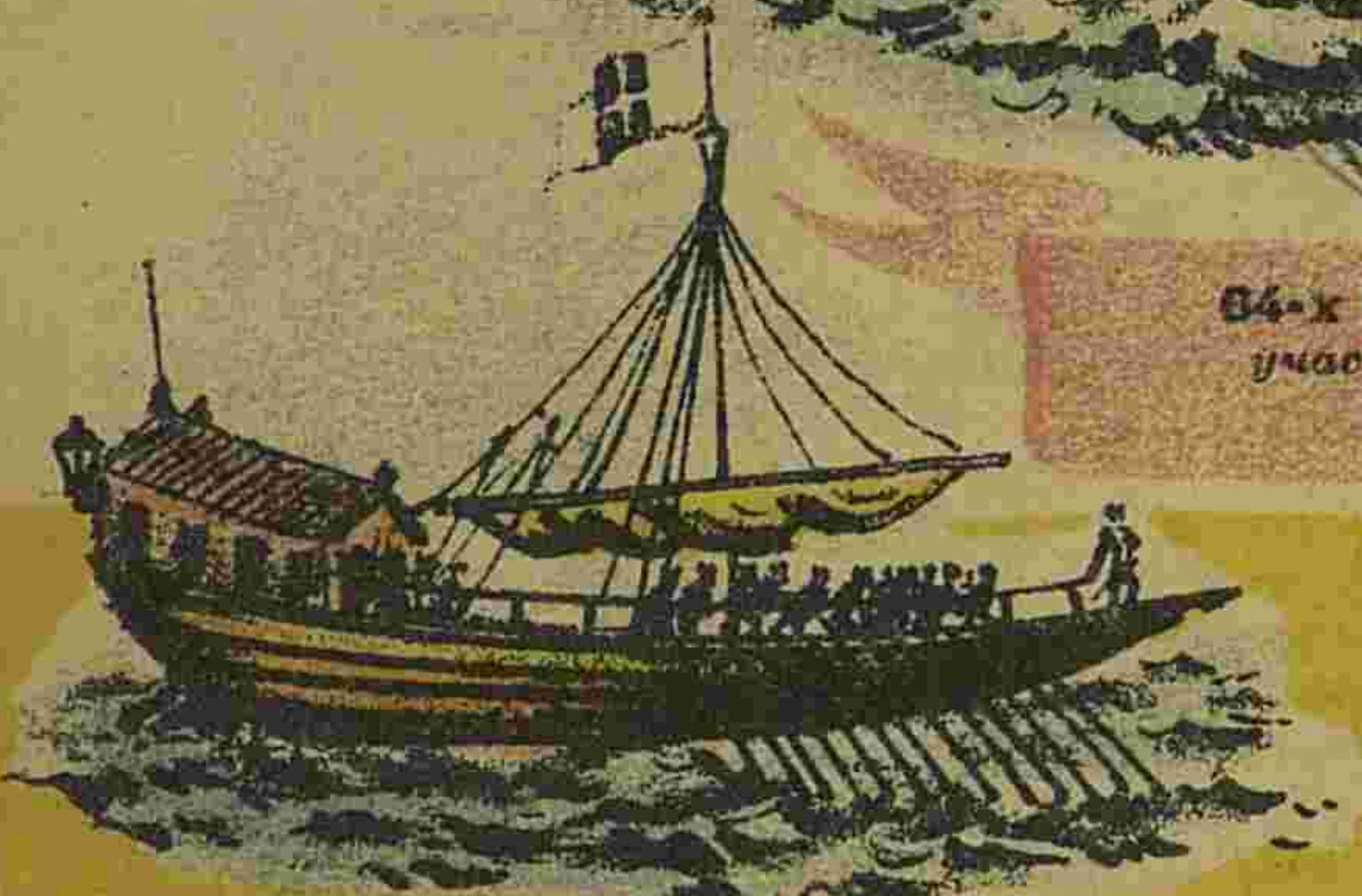
29

41

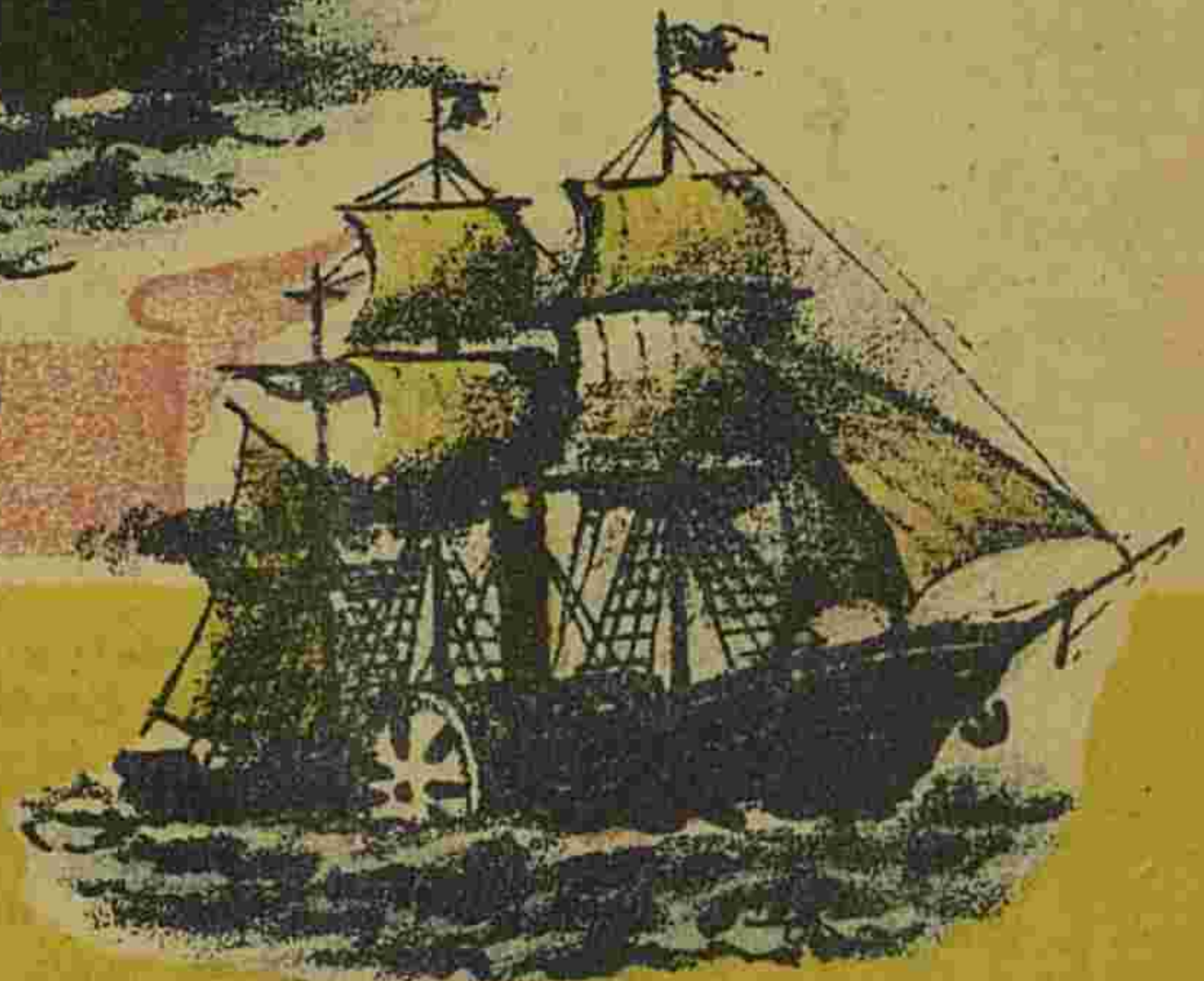
Военные Русские Корабли

64-х ПУШЕЧНЫЙ КОРАБЛЬ
участник Гренгамского боя
1715 г.

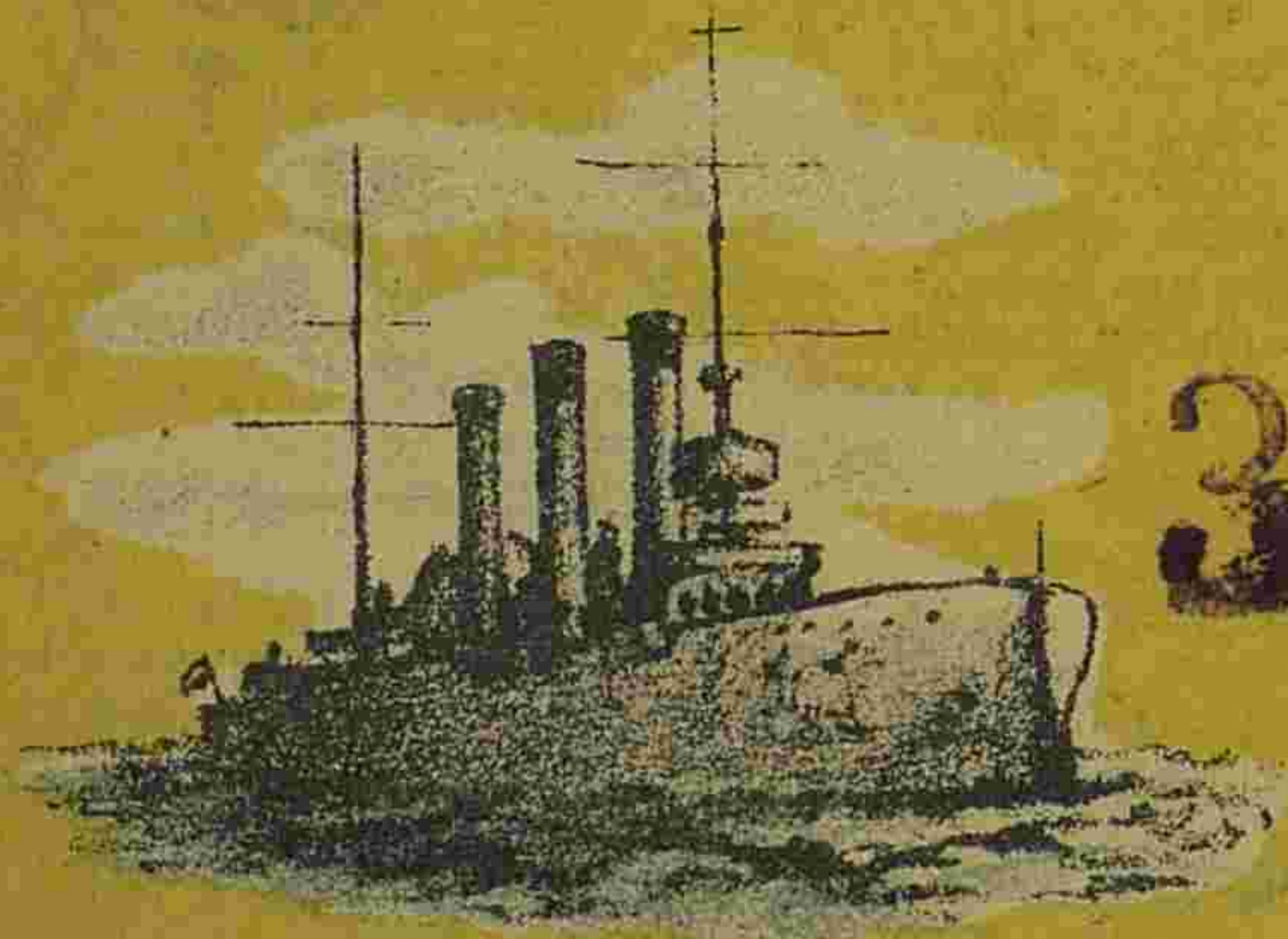

ГАЛЕРА
Гангутского боя
1714 г.

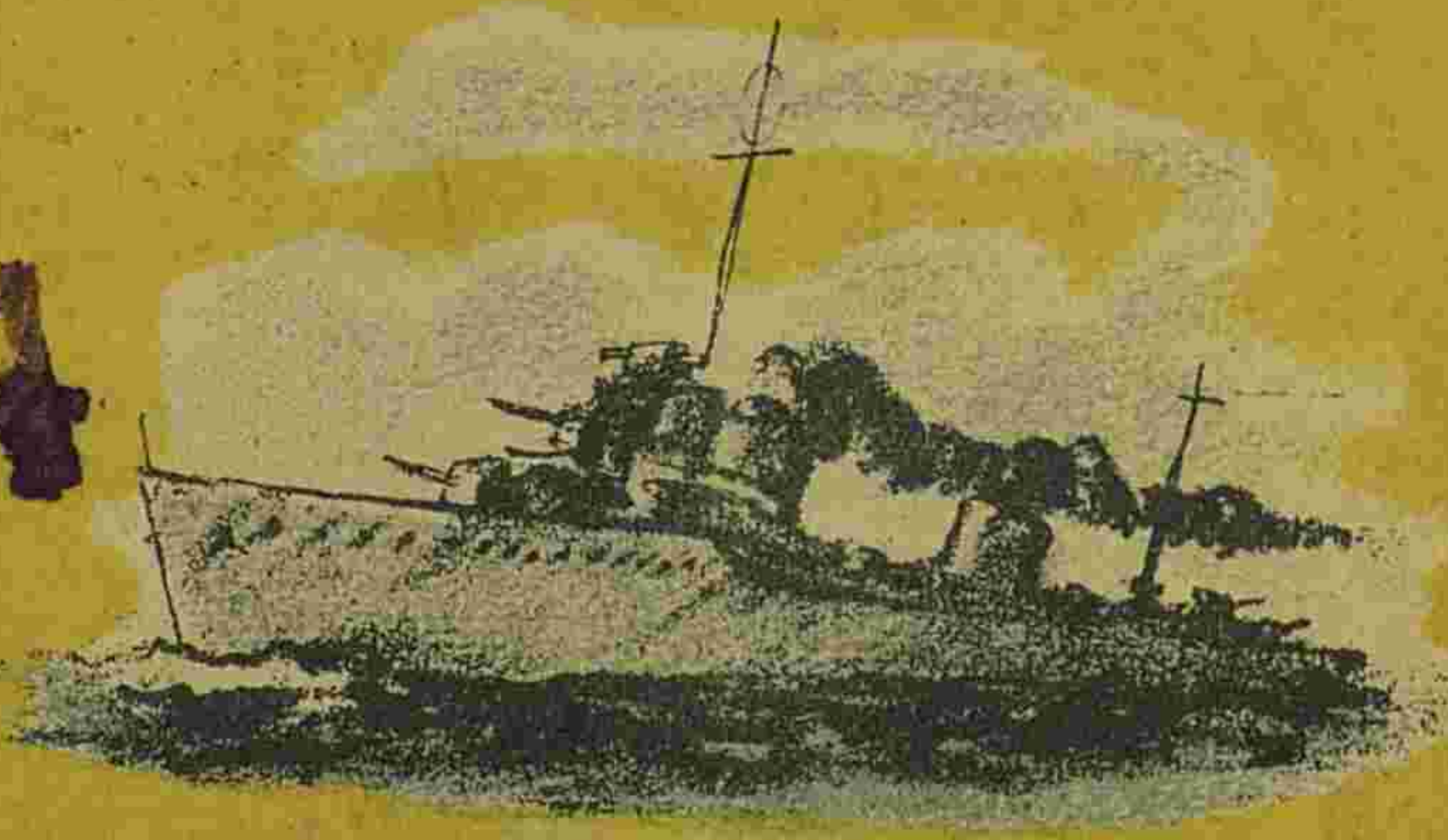

ПАРУСНО-ПАРОВОЕ СУДНО
войны 1877-1878 гг.

34

ПАРОВОЙ КРЕЙСЕР
войны 1914-1918 гг.

ЭСМИНЕЦ
Великой Отечественной войны

Лж 51

1944